

А И Ц И А

Арина
Маланкина

Ирина Таланкина

Тишина

«Автор»

2023

Таланкина И.

Тишина / И. Таланкина — «Автор», 2023

Родион родился в Тишине. Всю жизнь он пытался разгадать её тайну. Родной дом – древняя секта, заточенная в лесу, и жизнь заведомо готовит к самым неожиданным неприятностям. Вряд ли старые друзья поверят Родиону, что за стенами леса существует другая жизнь, а магия и чародейство – всего лишь продукты технического прогресса.

© Таланкина И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Книга Первая – «Утро. Просыпается Тишина»	5
Глава 1. Русалочья ночь	5
Глава 2. Мы	19
Глава 3. Влад	31
Глава 4. Избранный	44
Глава 5. Родион	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ирина Таланкина

Тишина

Книга Первая – «Утро. Просыпается Тишина»

Глава 1. Русалочья ночь

I

Инвожо¹, 6 день от первого солнца, 93 год.

Луна установилась в центре круга колодезной ограды, над самой головой. Ровно и красиво заключилась ночная вестница в черном небе, проскользила светом по мокрому кирпичу стен.

Должно быть, волхвы уже вышли на службу. Но здесь – в темном уголке на окраине мира – не слышно даже отголоска их песни. По стенкам колодца стекают капли взмокшей земли. В трещине напротив разжился мох – к нему страшно даже приблизиться, уж очень мерзкий запах. По зелени сползает холодная капель. В каждой капельке отблескивает лунный свет, и каждые полминуты на камень падает крошечный осколок молчаливой Луны.

Скрипнула, зашуршала земля у колодца. Едва слышный шорох нарушил тишину ночи, острый камешек свалился с ограды ко дну колодца, за ним еще и еще, сыпались мелкие крошки земли.

– Дион, тут ты? – шепот эхом раздался вдоль глухих стен длинного туннеля.

– Тут, – взгляд вновь метнулся вверх – туда, где минутой ранее блестел громадный лунный диск. Остатки леденистого света, заслоненные тенью, мелькнули в круглых синих глазах. – Федор, ты зачем пришел?

В ответ лишь новый шорох, неловкий скрип старого проржавевшего ведра. Вниз к заключенному аккуратно спустилась тонкая веревочка с подвязанным на конце тканевым мешочком.

– Мы сбрали, – пропищал голос сверху, – там пышка с ужина да платок, холодно, поди.

Дело было нехитрое и совсем не новое – далеко не впервые доводилось Диону оказываться в заключении на дне заброшенного колодца, где по доброй традиции отбывали свое наказание все излишне любопытные дети. В отличие от Федора любопытность он скрывать не умел совсем, да и прока в этом сокрытии не находил.

– Началась служба? – чуть слышно сказал Дион, дважды дернув за конец веревочки в знак благополучного получения съестных даров.

– Началась, – эхом прозвенел голос.

– Так топай отсюда, покуда не заметил кто.

Пышка с ужина, на который провинившемуся попасть не довелось, оказалась холодная и помятая – Федор с особым усердием упрятывал под подушку свою добычу, чтобы в целостности донести ее брату.

– Не приметят, – махнул он рукой, наваливаясь на самый край колодца там, где выступал покатый камень. Колодезное дно заливал холодный свет, благодаря чему на самой глубине едва различалась знакомая фигура и два больших синих глаза.

– Межеумок, – вдруг с самой искренней невинностью засмеялся Федор, – просто мысль сказал я, что у ограды ходят волки, а ты – сразу глядеть. Подставил себя, так еще и место наше

---

¹ Инвожо – июль.

чуть не выдал на всю Тишину. Одно дело, что знает про него настоятель Лука – так молчит он. А что, ежели бы тебя отловили волхвы иль дружина, спросить позволь?

– Ты своими сказками мне зубы не морочь! И без тебя волков посмотрю, – заключенный с наигранной угрозой махнул кулаком наверх, в ответ на что Федор тихо засмеялся:

– Зубы заговаривают!

– Вот и не заговаривай!

Секретное место, из-за любви к которому Дион уже не раз становился жертвой настоятельского гнева, скрывалось неподалеку от заброшенного колодца, в четвертом округе громадного поселения Тишины. То была угловатая щель ростом с полчеловека, проделанная в толстом заборе из бревенчатых кольев. По всем четырем сторонам селения тянулся древний частокол, а за ним чернела загадка, поражающая пытливого детское воображение – бескрайний лес. Полоса крон покрывалась игольчатой рябью ветра, шумела, качалась и живым кольцом обнимала общину, спрятанную от глаз целого мира. Выход в лес дозволялся лишь через главные ворота, с разрешения Особого круга волхвов и только взрослым, с целью охоты или сбора диких растений. Дети, конечно, тоже порой пробирались в лесные гущи, но то были уже дела секретные и весьма редкие – мало кто стал бы рисковать ради подобных шалостей. Да и к чему выходить? За лесом – сумрак, а здесь – дом.

Однако подобное мнение разделяли не все. Дом детей располагался совсем недалеко от границы поселения, а потому нетрудно было услышать из леса волчий вой, гудевший посреди ночи. Конечно, Федор не мог не предположить, что стаи бродят совсем рядом со стеной. А Дион всегда мечтал увидеть живую дикого зверя. Не мудрено, что никакие правила и наказания не смогли бы составить конкуренцию такому давнему соблазну, как охота на настоящего, живого волка. Вылазка вышла недолгая – оборвалась она уже на границе Тишины, у секретного выхода в лес – старик-настоятель Лука с несвойственной ему сноровкой подловил Диона за несколько шагов до того, как тот успел выскочить в лес. Наказание последовало соответствующее – ночь в заброшенном колодце. Не самое приятное, но терпимое и знакомое. Расплачиваться за свое любопытство Дион давно привык. А вокруг оставалось еще столько секретов – невысказанные тайны хранила в себе родная Тишина.

Тишина не обозначается на картах; не отыскать ее ни в учебниках истории, ни даже в краеведческих книгах. Самородный мир спрятан в центре большой страны. Мир людей, связанных историей и верой. Они не знают ничьих порядков и законов, существуют вне закона времени – они предпочли укрыться, застояться и спрятаться в ворохе древних традиций. Теперь, спустя почти сотню лет после закрытия Тишины от внешнего мира, потомки первых отцов уже и не знают той реальности, от которой с небывалым усердием оградился когда-то маленький осколок гордого народа.

Впрочем, здесь есть все, чего требует незатейливое мировоззрение тишинца; огромное озеро с двумя притоками речки разделяет маленький мир на две равные половины. С одной стороны – поля, ремесленные и, главное, люди. Здесь содержатся второй, третий и четвертый округа. На другой стороне – особые земли – первый округ, обитель приближенных к Высшему миру.

Федор и Дион выросли, как и все дети, в четвертом округе, где жили подле друг друга, не расставаясь, одиннадцать лет. Редкое и радостное событие прогремело в тот день, одиннадцать лет назад – рождение сразу двух детей от одной матери. Их решили не разлучать, несмотря на опасения волхвов о том, что два брата подле друг друга – два связанных одной кровью человека – нарушение важнейшей семейной догмы. Семья народа Тишины одна для всех: Верховный Жрец – отец каждого, рожденного в стенах бескрайнего частокола. В Тишине всякий другому брат, и не может быть родство кровное превыше родства духовного.

Однако Федор всегда явственно ощущал это различие. Люди вокруг столь разноликие и пестрые, в то время как глаза брата – отражение собственных.

В раннем возрасте Диона и Федора путали между собой, а некоторые и вовсе считали, что это один и тот же человек: неуклюжая фигура с вечно спутанными черными волосами, падающими на плечи, которые быстро росли и всегда мешались, кололись, неровными кольцами вились у лица. Под густыми темными бровями мелькали глаза – свет луны – почти сразу что-то в них виделось бесноватое. Однако различать братьев все же удавалось. Явственно проступала и разная форма лица, и разные голоса, и с самых ранних лет совершенно разное поведение.

Впрочем, было еще одно весомое различие между двумя братьями. Различие это проявилось далеко не сразу, а лишь на седьмом году жизни, после чего мигом стихла всеобщая радость об одновременном рождении сразу двух здоровых юношей в селении. И бесноватость в детских глазах казалась жителям все более явственной.

Сколько не ходили знахарки за Федором – все было бесполезно. Помогали даже волхвы, но ни один обряд не мог изгнать невиданного порока. В случайные моменты мальчик вздрагивал, словно одержимый, дергал руками, распугивая как детей, так и взрослых поблизости. Все боялись заразиться одержимостью. Труду это не мешало, а потому Федора решили пощадить, оставить жить среди остальных детей в большом общем доме в четвертом округе. Однако женщины и старики продолжали недоверчиво глядеть на него – странная болезнь пугала, и среди людей гуляли слухи, словно даже во взгляде детском в минуты одержимости мелькали искры ночного демона. Если бы не благосклонное снисхождение волхвов, перевели бы давно одного из братьев в соседнюю землянку – место, где содержались все больные и юродивые.

II

На заре заключение Диона закончилось – на дно колодца спустили веревочную лестницу, и долгожданный путь к утреннему свету наконец открылся. На место холодного ночного светила в небо пробирался яркий огненный шар.

Четвертый округ. По тропинкам сновали кухари в белых одеждах, в руках они носили разнообразные кухонные снасти от глиняных крынок с молоком до больших котелков с кашей. Кухонный домик был переполнен людьми за готовкой, из-за приоткрытой двери катился запах горячей стряпни, каждую минуту утреннюю гладь разрезал стук и треск посуды.

До заутрока оставалось чуть меньше часа. Всюду вокруг низких домиков расплывался свежий туман, в белесой дымке которого утопали бревенчатые стены и маленькие окна, накрепко закрытые створками с мутной слюдой. Просыпалась Тишина – все вокруг оживало и оправлялось ото сна.

Дион быстро добрался до дома детей. Это была длинная двухэтажная постройка, более напоминающая огромное зернохранилище, нежели дом. За тяжелой дверью звенели знакомые голоса. Красочные росписи паутинами покрывали белые стены комнат и коридора. В каждой комнате лениво велась своя незамысловатая беседа о каких-то детских радостях: о скором празднике, о танцах и большом костре, который устроят волхвы посреди поля в первом округе. Коротали время в ожидании заутрока, и минуты тянулись nepозволительно долго.

На комнату приходилось по шесть кроватей и по два сундука для одежды и снастей. В центре одиноко белело маленькое квадратное оконце. На втором этаже жили девочки. На пути к своей комнате Дион различал долетающий сквозь потолок разноголосый гул.

Когда в череде одинаковых дверей мелькнула нужная – Дион мог отыскать ее даже с закрытыми глазами – он молча проплелся внутрь и упал на кровать, изнывая от усталости после целой ночи, проведенной на дне холодного колодца. Под головой противным скрипом отозвалась перекладина. Росписи прыгали по стенам и оживали в замысловатых узорах на крыльях огненных птиц. На потолке в причудливых формах расплывались морды диких зверей, в которых заключены, по преданиям, силы духов и их отражения. Образы эти с самого детства знал каждый тишинец и молиться им обучался раньше, чем ходить. Звери эти, верно, в природе выглядели совсем не так, как изображались на картинках – Дион был в этом почти уверен.

Ведь не может быть такой кривой и сутулый нос у такого величественного зверя, как волк или, тем более, рысь.

На кроватях неподалеку, близко составленных рядом друг с другом, сидели два других жильца комнаты, в то время как все остальные выбежали на улицу помогать кухарям. В углу мелькнула скрюченная тень старичка-настоятеля Луки, который еще вчера безжалостно вытрепал Диона за уши, а сегодня уже преспокойно восседал на сундуке в их комнате, опершись руками о колени. Весь он был, казалось, таким же ветхим и скрипучим, как и вся мебель в доме. Дион гордо вскинул кончик носа и, не поздоровавшись ни с кем, уперся лицом в подушку. Остальные ребята лишь тихо посмеялись над очередной его горделивой выходкой, после чего быстро вернулись к своему разговору.

Они сидели в маленьком кругу, с умытыми лицами, выпавшие и веселые, о чем-то перешептывались между собой. Краем уха Дион различил голос брата:

– Так почему ж нельзя?

– Ага, разве ты хочешь, чтобы тебя съели дикие звери? Только взрослым дозволено, – отвечал ему другой житель комнаты.

– Далеко не уходит никто. А непонятно вот мне, почему нельзя лес перейти им? Ведь интересно же, что там, за лесом.

– Как так им целый лес перейти?

– Дурак ты, Арий, – отмахнулся на друга Федор, – мыслить шире надо.

Спор выходил весьма насущный. Дионом овладело непреодолимое желание тоже вставить свою монету в разговор, однако уж очень ему не хотелось пересекаться взглядом с настоятелем. Обида за вчерашнее наказание еще не прошла. Тем временем настоятель Лука с немалым интересом слушал происходивший между детьми разговор. Любил старый учитель изредка поглядеть, о чем толкуют его подопечные. Много занимательного можно было сыскать в детских рассуждениях.

Далеко не каждый тишинец во старости мог развлечь себя обучением юного поколения. В настоятели избирались лишь самые ответственные и трудолюбивые жители округов, уже окончившие отведенный срок в полях и ремесленных. Старые и премудрые – первые проводники в жизнь – настоятели растили и поучали детей общины. Лука о своих учениках заботился усердно, без лишней мягкости, но с любовью. То был человек большого сердца, за долгие годы повидавший трудности и страсти жизни, всегда и всюду чтивший правило и закон своего мира. Оставив молодость на полях третьего округа, он коротал свои последние дни здесь – в четвертом, где содержались все неспособные к тяжелому труду. В четвертом округе жили старики, малые дети и юродивые.

Что до остальных трех округов? Второй и третий – обитель простого люда, мужчин и женщин от тринадцати до шестидесяти лет. По равнинам третьего округа гуляли пахари, рыбаки, мельники и пастухи – народ самый мирный из всех. В избах второго округа громко стучали молотки ремесленников и голосили охотничьи песни. Первый же округ был далек от всех остальных – в нем позволялось жить лишь людям духовно просвещенным, лишь им была доступна связь с духами и великая истина жизни, которой они благосклонно делились со всем остальным народом. В первом округе жили волхвы.

– Вот Дион послушался тебя, – возмущался тем временем обиженный Арий, – и посидел положенного в колодце, ага.

В эту минуту с Диона слетела маска обиды – он никак не мог позволить себе пропустить перебранку с Арием.

– А ты!.. – Дион прыжком сел на кровати и несколько секунд пытался придумать что-нибудь обидное в ответ на упрек, однако ничего подходящего из известных ему выражений не нашел, поэтому, не растерявшись, злобно кинул в Ария подушку. Тот лишь увернулся, вопросительно посмотрел на друга и с важностью произнес:

– Не пойму, отчего вы оба злитесь? Глупые же у вас мысли, зачем нам в лесу что-то искать? Чего хотите, чудес или демонов, чего ж вам в мире невиданно? Нам и здесь хорошо, ага. Не просто так ведь мы в Тишине живем. А за лесом, гворят, бесы да иноверцы, оно вам надо?

В ответ ему последовал одновременный вздох обоих братьев. Толковать с Арием было не о чем. К слову, заносчивость его проявлялась исключительно в вопросах религиозных, да и то немудрено – Арий был одним из немногих избранных природой счастливых, кому предстояло стать частью первого округа. На фоне сверстников Арий выделялся сразу: среди пестрой палитры детских лиц вычурно блестящие белокурые волосы и лазурные глаза, всегда спокойные и чистые, как снег. И голос его, всегда негромкий и важный, лился складным звуком, как льется лесной ручей по пригорку. Арий жил наравне со всеми остальными детьми, но судьбою ему был предназначен путь в первый округ. Это прекрасно понимали все.

Способный ребенок блистал, безусловно, складным умом и недетской рассудительностью, даже некоторой твердостью характера. Данностями природы Арий не мог не гордиться. С жалостью он глядел на Федора, которому, быть может, суждено остаться в четвертом округе среди всех слабых и болезненных. Споры между ними вскипали неустанно. Однако из раза в раз правда оставалась на стороне будущего волхва, нежели на стороне бесноватого мальчика, которому вдобавок еще и прилетало несколько насмешек. Дружить им было очень непросто, да и дружбой это было трудно назвать – скорее привычкой.

– Не может же бескрайним лесом заканчиваться мир! – не унимался Федор.

В отличие от рассудительного Ария, Федор очень любил мечтать. Любая загадочная деталь, неприметно воткнутая в привычную повседневность, могла целыми днями не давать ему покоя – все хотелось докопаться до значения этой детали. Подобная пытливость в Тишине не приветствовалась, ведь тайны на то и называются тайнами, чтобы оставаться таковыми – непостижимыми уму.

– Толком не знает никто из нас, что там. Может, там существа такие же, как мы. С ч... – слово оборвалось, на мгновение лицо Федора резко исказилось в пугающей гримасе, а голова дернулась к плечу. Такое бывало, и все привыкли – никто уже давно не складывал руки ладонями друг к другу в священном жесте, означающем защиту от нечистой силы.

– Вот видишь, – проговорил Арий, – это все от твоих речей нечистых. Чушь всякую гворишь, тебя духи наказывают, ага.

Федор обиженно поджал губы и неловко улыбнулся. Возмущенный Дион хотел наконец что-то возразить, синие глаза опасно засверкали, однако его прервал внезапно заскрипевший голос настоятеля Луки:

– Арий прав, – все знали, что сейчас непременно последует какая-нибудь древняя история, которая долго настаивалась во время затянувшегося молчания старика. – Ты гворишь, Федор, что за лесом могут жить такие же, как и мы. Не мудрено от тебя такое рассуждение услышать, уж больно ты дитя пытлиное, токмо вот я на твоём месте своим любопытством не стал бы народ забавить, токмо смеху от сего разговора. Неспроста отцы здесь схоронились, на то существует целая история. Мне, в отличие от вас, младцев, довелось большую жизнь отжить, я дитём еще первого Верховного Жреца собственными, вот этими, очами видал. Как нынче помню – на него глядел, а он словно не с земли, не человек словно. Глянет – как стрелой пронзит, и ажник солнце само ему служило, светом своим кожу его не смело жечь, лучом в очи не смело глянуть. Все они, Жрецы, такие, во всех поколениях. Им больше нашего даровано.

– Так потешьте нас этой магической историей, – съязвил Дион.

Настоятель Лука метнул на него строгий взгляд:

– Не злорадствуй, Дионисий. Мал еще, чтобы над стариком насмехаться. Я лучше вам расскажу, пока минутка есть, отчего первый Верховный Жрец оградил Тишину от всякого гостя с чужих земель. Тогда и ответы на твои вопросы, Федор, мигом сыщутся. Девяноста три года назад, как слагают уста, в том большом мире, где невольными заложниками жили наши

предки, творилось страшное: дикие бесы подымались из-под земель, всюду разливались красные-красные реки крови, много людей полегло, никто не знает, сколько. Страшная болезнь разума людьми овладела. Люди подчинились бесам, пытались истребить всех неверных их демоническому учению и даже до наших предков добрались. Должно быть, нечистые все еще бушуют в том мире, и ежели наш человек выйдет туда – ба! Пути назад нет, всего поглотят до самых костей! Токмо Верховный Жрец, наследник воли духов, может властью своей великою спокойствие в Тишине хранить и беречь нас от красных демонов. У них цель единая – истребить наше верование. Уж сколько оно пережило! В те времена, когда Тишина была открыта миру, на предков наших тоже охотились. Поэтому души их разгневаны, а в гневе сила! Большая сила в древнем гневе. Обрезают отцы нас теперича от всякого гадкого иноверия. Они попрыгали кругом нас, в зверях и светилах, в цветах и деревьях, в земле и воздухе, они дают нам жизнь и спокойствие, а мы за это чтим их великую память. Память и преданность духам. И в мире сила их, в мире сила истинная, в природе – в земле, в воде, в пламени и ветре.

– Ежели были так сильны предки, почему ж они не истребили самих бесов? – фыркнул Федор. – А нам теперича, видите ли, уютиться.

– Даже на волков поглядеть нельзя, – поддержал его брат.

– Гонения, – старик с сожалением опустил в пол свои маленькие глаза. – Их было много, очень много, все кругом было окрашено красным. Бесы неистово гнали отцов наших с земель их. Радуйтесь и духов благодарите, что на вашу долю не выпало увидеть беспорядков, подобных тем, что царствовали в мире сотню лет назад. В беде рождаются сильные, но не всякая сила стоит горечей, за нею приходящих.

На улице завыл протяжный колокольный звон. Заслышав его, настоятель Лука вновь замолк и неуклюже поднялся с места, жестом указывая детям, что пора идти. Все мигом засобирались к завтраку. Комната, еще минутой ранее притихшая под тяжестью жуткого рассказа, вновь оживилась, разговоры об истории сменились будничными обсуждениями предстоящего дня. Сквозь мутную слюду в маленьком окошке пробивалось уже окрепшее, нагретое летним теплом солнце.

III

Между домом детей и маленькой кухонной пристройкой уже были выставлены два длинных стола. Вокруг столов возились люди, заканчивали последние приготовления к завтраку. В теплое время в каждом округе Тишины трапезы проводились на улице.

Протяжный голос медного колокола начинал день.

В четвертом округе народ у столов собирался соответствующий – старики за одним столом, дети за другим. Юродивых, которые содержались поблизости, было принято кормить отдельно от остальных – боялись, что бесы их могут проникнуть в души чистых людей.

На белоснежных скатертях ровными рядами выставлялись десятки одинаковых блюд, над маленькими деревянными чашками пленительно танцевал в воздухе дымок от горячей каши, едва снятой с печи. Украшением столов служили первые полевые цветы в узких глиняных вазочках. Свежий запах разносился по всей трапезной. Следуя распорядку, люди вставали у своих мест за столом и несколько минут молчали в смиренном ожидании. У самого края детского стола горбился настоятель Лука, под тяжелым взором которого неугомонные ученики выдерживали эту священную тишину, не произнеся ни звука. Каждый знал – за любую шалость можно получить ложкой по голове и лишиться завтрака за нарушение обычая.

Дион нетерпеливо мялся у своего места между братом и Арием, скрипя зубами от ожидания – в голове уже рисовалась сладкая минута, когда он сможет с жаром накинуться на горячую кашу. Взгляд рассеянно бегал по столу под острым звоном всепоглощающей тишины; внимание привлёк стакан, стоявший неподалеку от большой деревянной ложки. Дион тихонько повел головой, чтобы разглядеть: и правда, молоко! Ожидание сделалось еще более томительным.

Несколько десятков ладоней одновременно сложились в священном жесте. Прием пищи непозволительно было начинать без поклонения. Все молчали, в мыслях обращаясь к великой и непостижимой силе, дарующей и день, и ночь, и трапезу. Лишь Дион никак не мог оторвать взгляд от стынущей в тарелке каши, запах которой одурманивал всякую разумную мысль в нем, позволяя забыть даже о таинстве молитвы перед трапезой. На языке томился сладковатый привкус свежего молока.

Спустя три минуты, когда безмолвная молитва была кончена, старики первыми начали садиться за скамьи, их примеру мигом последовали и дети – можно начинать трапезу. Наконец, можно и говорить – по столам разносился тихий полусшепот, кое-где звучал даже смех, чуть заглушаемый стуком деревянной посуды. Не веря своему долгожданному счастью, Дион спешно накинулся на еду.

– Млоко! – радостно заметил Федор. – Откуда ж такой праздник нам?

– Што за дурны вопрос? Сегодня же Русалочья ноща! Вечером, должно, большие гулянья буде, – звонким колокольчиком рассмеялся девичий голос напротив.

Дион, успевший обжечь язык о горячую ложку, поднял взгляд в поисках источника знакомого звона.

– Што, теперя я уж любе каши-то буду? – непозволительно громко засмеялся колокольчик вновь.

– Тише, Агния, – унимал ее Арий, – не смейся так громко, а то настоятель будет гневаться.

Агния ужасно не любила, когда Арий делал замечания ее смеху – а делал он это слишком часто. Ответом ему последовал недовольный блеск двух зорких черных глаз. Этим чудесным умением блестеть они напоминали застывшие капли темной смолы, обожженные палящим ветром.

Многие дети шутили, что Агнию стоило бы переселить на первый этаж, к мальчикам – она все равно вела себя хуже Диона, и зачастую становилась инициатором его пакостей, за что тоже терпела наказания. Однако, в отличие от друга, впутывалась в приключения Агния уж точно не из особенной любознательности – она просто любила отыскать какую-нибудь очередную забаву. И чем опаснее будет эта забава, тем интереснее станет ее опробовать.

Узнать, а точнее – услышать Агнию можно было издали. Постоянным спутником девочки был неприкрыто громкий нелепый смех, повсюду трезвонивший колокольчиком. Он, казалось, выходил у нее произвольно, сам по себе просвистывал сквозь узкую щербинку между зубов.

– Нынче чрез костер буде прыгать! – бурый янтарь горел в глазах. Агния в предвкушении стучала ложкой по краю тарелки, не обращая внимания на еду и даже на молоко в стакане. – Арий, буде с нами прыгать?

– Да, хотел бы я поглядеть, как ему пятки подпалит, – хихикнул ей в ответ Дион.

Два хищных взгляда одновременно уставились на растерявшегося Ария, на что он вскинул руки перед собой и скупно промямлил:

– Как не прыгать-то? Традиция же, ага...

– И Федора чрез костер пустим, – продолжали нарушать спокойствие завтрака Агния и Дион.

Федор непонятливо взглянул на них и, не успев спросить, почему именно его нужно непременно кидать через костер, произвольно дернул головой в бок и скривил брови в неестественной дуге. Очередной минутный бой с безмянным внутренним демоном.

– Вот поэтому, – ложкой указала на него Агния, – бесов буде изжигать.

– Агния! – с наигранным осуждением засмеялся на нее Дион. Однако девочка уже не слушала его и не заметила даже обиженный взгляд Федора – она вновь повернулась к Арию и продолжила изводить его очередными расспросами.

Агния знала – будущий волхв едва ли не наизусть помнит все традиции и обычаи Тишины, что совсем не удивительно – Арий с раннего детства начал изучение высших таинств и до безумия этим гордился, а потому не мог упустить шанса пощеголять своими точными познаниями. Стараясь не замечать небрежные движения девочки, он терпеливо отвечал на все: рассказывал о символическом значении костра, о дневных купаниях перед Русалочьей ночью и о важных молитвах, способных в этот праздник уберечь от пробудившихся русалок.

– Добро, – широкая улыбка растеклась по губам Агнии, – значе, я выточу на камешке руну ветра. То-то впору и на русалок идти в охоту!

– Да, на русалок! – Дион забыл про кашу.

Арий лишь устало вздохнул:

– Вы же понимаете, что накажут, ага? Лучше следуйте обычаю, а ночью к озеру подходить нельзя, только чрез мост перебираться и очень опасно, – заученные наизусть правила ритмично отскакивали от зубов.

В ответ очередной смехок. Агния сделала вид, что послушала друга, и, снисходительно махнув ему рукой, начала что-то увлеченно обсуждать с Дионом. Конечно, Арий знал, что эти двое его слов ни за что в жизни не послушают, к тому же и Федора с собой утащат, а потому положил себе целью непременно уберечь их от ночного похождения в самый разгар праздника. Он и сам не сознавал, отчего совесть то и дело настойчиво укалывала в затылок, заставляя вытаскивать друзей из всех их авантюр, никогда не предвещавших благополучной развязки.

Было странно представить себе жизнь без их надоедливой смеха, и как-то очень не хотелось, чтобы Агнию утащили русалки. Федора и Диона они итак не тронут: один юродивый, а второй сам по себе любую русалку изведет. А вот Агния уж слишком красивая для речного демона – на первый взгляд, лицо ее имело вид совсем неприметный: острый подбородок, большой рот, всегда смеющийся и с некрасивой щербинкой между зубов, по-мальчишески подстриженные до плеч волосы, спутанные в бесконечном множестве мелких кудряшек. Однако что-то милое и очень родное виделось во всех этих неприметных чертах, вычурными мазками обозначавших прекрасную в своей живости картину.

Она была очень кудрявая. Арий знал – под мягкой овечьей шкурой скрывается буйный и неистовый вихрь.

Раньше он верил, что, став волхвом, непременно сможет изгнать из нее этот вихрь своими молитвами, но с каждым годом дружбы всем становилось ясно – вихрь жизни неистребим, он всегда сам собою вырывался из черноты больших красивых глаз. И что-то особенно прекрасное обнаруживалось в сердце этого вихря.

IV

После обеда все засобирались на озеро – купаться в русалочью ночь было опасно, а потому днем жители Тишины в преддверии гуляний разбрелись по баням и водоемам. Во всех округах шумели приготовления к празднику.

Путь до речки лежал через второй округ – место, где проживали ремесленники и охотники. Мальчишки шли по широкой центральной дороге, окруженной по обеим сторонам ремесленными мастерскими. Арий как бы невзначай протянул:

– Скоро Агния будет жить здесь. Недолго уж осталось.

– Скоро? – усмехнулся Дион. – Два года еще целых! Да и чего ты так говоришь, будто нас эти округа совсем разлучат? Ведь никто не мешает нам всем вместе дальше дружить и после распределения.

Арий не посчитал нужным что-нибудь отвечать – Дион размышлял совсем как маленький. Будущему волхву мир виделся куда сложнее, а беззаботность друзей раздражала.

– Арий, когда волхвом станешь, расскажешь ты нам, что там, в Книге Книг? – сказал Федор. – Слышал я, что волхвов грамоте учат. Завидно даже. В Книге Книг наверняка есть истории о том, кто живет за лесом.

– Уймись, Федор. Тебе же настоятель все рассказал сегодня, – вздохнул Арий. – К тому же, воспрещено в миру это таинство раскрывать. А тебе об грамоте и мечтать неведомо, куда уж до Книги.

– А ежели все равно до грамоты доберусь я? Уж поглядим, кто первый! У меня до Книги Книг есть мечта большая: что, ежели там больше сказано, чем нам толкуют? Знаете, ведь так устроен человек – верим мы каждому слову настоятеля Луки, потому что настырно убеждают нас, что правда это. Но что, ежели не правда? Что, ежели проверить?

– Юродивых грамоте не учат, – жестко отрезал Арий, порядком раздраженный этим разговором. Подобные суждения друга он воспринимал как личное оскорбление.

– И славно. Меньше знаешь – крепче спишь, – лениво поморщился Дион. Сложные загадки и пространные философствования он никогда не любил, а особенно они неинтересны были мальчику в столь нежном возрасте, когда мысли более волнуются предвкушением ночных плясок у праздничного костра.

После захода солнца народ стекался в первый округ. Лунная дымка убаюкивала небо, а на мостиках у озера летали расшитые цветастыми узорами юбки и рубахи, мелькали пышные венки на головах, и даже воздух в праздничную ночь становился будто бы совершенно иным. Молодые девушки пели плясовые и раздавали венки всем проходящим к месту празднества. Летние гулянья всегда отличались особой красочностью. Нитями голосов оплетался сумеречный островок людей, толпившихся вокруг деревянного столба в центре широкой поляны.

Русалочья ночь была ночью благодарения природы. Тишинцы признавали власть ее над всеми началами жизни, благодарили за дары лета и просили о щедрых дарах осени. Днем солнце восходило необычайно высоко над землей, горело вестником могучей силы предков. А ночь считалась самой сильной ночью в году. В эту ночь магия Тишины, по преданиям, питала столь большую силу, что в иных тенистых уголках ее свет можно было обнаружить простым человеческим взором.

В центре первого округа, самого священного места селения, был уже установлен громадный деревянный столб, на самом верху которого крепилось колесо с подвязанными к нему венками. Вокруг него и собирались люди – огромное полотно лиц, жителей всех округов, сгустилось в большое целое. По преданиям, в эту магическую ночь наравне с духами предков вылезали из своих убежищ черти и русалки, а потому принято было веселиться, смеяться и плясать, чтобы отпугнуть нечистых от священных земель.

Под настилом полутемного неба толпа в нетерпении ждала явления Верховного Жреца. Дети теснились в первых рядах, благодаря чему своими глазами могли наблюдать каждую деталь и каждый жест таинства. Стоявший в кругу друзей Дион участливо вглядывался в чернеющее впереди крыльцо хором, откуда должен был появиться Жрец. На голове Диона расцвел пышный венки из синих колокольчиков, и сверкающие в полутьме большие глаза его становились частью этого венка. Позади раздавался шорох тонких сарафанов и веселое перешептывание взрослых.

Наконец – чудо – высокие двери хором распахнулись, и из них поочередно выплыли волхвы в черных одеждах до самой земли. Они выстроились по краям, открывая дорогу Верховному Жрецу. Величественно ступая под многоголосый гул, на пороге показался он – облаченный в расшитое красными и желтыми нитями черное платье, широко раскинул руки, по которым лились широкие рукава. Вся фигура Жреца вытягивалась тонкой вертикалью, длинные скулы очерчивали светлое лицо, а по плечам вниз спускались черные волосы, сливались с воздушной тканью, утопали в ней и, казалось, доходили до самой земли.

– Народ Тишины! – громыхнул голос. На лице Жреца засверкала белоснежная улыбка. – Я, четвертый Верховный Жрец Тишины, объявляю начало вечерних гуляний. Пойте и чувствуйте отцов наших, сила и магия которых незримо пребывает с вами сегодня! Пойте и благодарите природу нашу за дары ее и благосклонность к ничтожному людскому существу.

Да услышат великие предки наш зов, взметнется ветер, разгорится пламя, поднимутся волны и взволнуется земля. Да раздастся наш смех в лицо нечистому и разнесется наш гул всюду так, что услышат его бесы и черти по всей земле. Услышат и содрогнутся! Гуляйте, люди, гуляйте в свете луны, храните в сердцах своих преданность великой Тишине!

– Во имя Вельфа! – крикнул громкий мужской голос в толпе.

– Во имя Вельфа и отцов Тишины! – поддержали остальные.

Жрец мягкой поступью приблизился к деревянному столбу, вокруг которого скатали пушистые холмы сухого сена. Неспешным движением он взмахнул руками, сложил ладони на груди, после чего вновь повел рукавом близ сена. На миг широкое черное полотно закрыло его руки, после чего раздался едва слышный треск, две искры сверкнули на траве. Вельф быстро отошел от столба, близ которого уже начинал потрескивать дымок первого пламени. Все ахнули, словно видели это впервые. Каждый год Верховный Жрец зажигал огонь в Русалочью ночь, и каждый год подкреплял тем самым всеобщую веру в свой чудотворный дар. Федор заморожено глядел перед собой и не мог пошевелиться – запах огненных искр покорял его, и казалось, что нет ничего более могущественного во всей земле, чем это неистовое вольное пламя.

Лишь Жрецу была подвластна магическая сила предков, благодаря которой он создавал свои чудеса, управлял огнем и светом, а потому считался величайшим из всего народа Тишины – тем, кто приближен к богам, кто может говорить с ними на одном языке и изъяснять их волю людям.

Начались гулянья. Раздувался по теплему ветру огонь, с каждой минутой становясь все выше и выше. Где-то позади вновь запели девушки, их тонкие голоса подхватили молодые юноши, кто-то играл на домбре, и отбивали ритмичный такт каблук.

Федор не успел даже сообразить, как в суе сменяющихся друг друга восторженных лиц его руку подхватил брат и увел в самый центр – туда, где собирались хороводы. Перед глазами кружились цветы и листья в венках, сверкало пламя, а руки Диона все тянули и тянули куда-то вперед, и звенел совсем рядом громкий смех Агнии.

Они кружились в хороводе вокруг огромного костра, позади выстраивались хороводы еще больше, в несколько колец обнимали подгорающий столб, и все сливались в едином круговороте быстрого танца. Когда останавливались, менялись местами, Дион кружился вокруг себя, подхватывал мелодичную песнь вместе с остальными. Агния поймала Федора за руку и пустилась в хоровод вокруг костра поменьше, разожженного неподалеку. По всему округу друг за другом вспыхивали искры огней. Толпы людей разбегались по сверкающим полянам.

Дион до безумного блеска в глазах обожал обряды только потому, что в эти минуты можно было забыть, петь со всеми и танцевать, танцевать под руку с друзьями. Это были те редкие минуты, когда дозволялось кричать и смеяться во весь голос. Это было магическое неистовство. Дион не понимал, но чувствовал его силу. Мальчик быстро поймал Ария за локоть и увел к следующему костру. Там уже начинали прыгать.

– Айда со мной! – Агния едва могла перекричать песни вокруг.

– Эти двое без нас не прыгнут! – рассмеялся Дион, не отпуская Ария. Тот не успел даже сообразить, когда друг утащил его слишком близко к огню – пары сменяли друг друга, прыгали через костер, а вслед им вспыхивали на фоне ночного неба мелкие искры. Девушки визжали, расцепляли руки и смеялись.

– Стой! – успел лишь сообразить Арий, когда Дион потянул его вперед. Ночной холодок смешался с огненным жаром.

Времени на раздумья не было – в суе танцев ему удалось утащить бедного Ария к самому костру. Зажмурив глаза, они прыгнули разом и уже через секунду прокатились кувыркотом от огненных искр.

– А ты боялся, – рассмеялся Дион.

– Расходись! – не успел Арий опомниться, как на него уже летела Агния, которая, не раздумывая, перемахнула через огонь вслед за друзьями. Она поджала под себя ноги и упала в траву рядом с Дионом, уцепившись летающей юбкой о землю. Черные волны волос мелкой рябью разметались по всему лицу девочки. Янтарные глаза светлели и светились.

За ней, закрыв глаза руками и тихо вскрикнув, прыгнул Федор. С головы его слетел венок.

– Живой? – поймал его брат.

– Живой!

– Пошли русалок ловить! – зазвенела Агния.

– Стащим у девок сети, – азартно подхватил Дион.

– Давайте лучше Еву поищем, – предложил Арий. Сменить тему было лучшим решением – внимание друзей быстро переметнулось к новому развлечению.

– Она точно заботится на русалок идти, – последовал протест.

– Дион, она нонче погадать сбиралась, – вспомнила Агния. – В Русалочью ночь токмо и гадать. Люди говаривают, магия нонче судьбу подскаже.

– Токмо не гадать, – протянул Арий, – сегодня же все бесы повылезали.

– Или гадать, или на русалок! – отрезала Агния.

У

– Ева, где была ты весь день? – улыбнулся Федор, проходя сквозь низкий дверной проем. За столом в маленькой комнате сидела бледная девушка с пушистыми рыжими волосами, сплетенными в небрежную прическу. На голове ее красовался венок из желтых одуванчиков. Вслед за Федором в комнату ввалились остальные.

– Здрав буди! – Агния первая пролетела к столу, где сидела девочка и, не дожидаясь ответа, уселась напротив.

Ева непонятливо заморгала и тихо ответила:

– Я туте... гадаю на камешках. Мне разрешили.

Празднества в первом округе разделялись на множество самых разнообразных развлечений. В продолжение ночи, после торжественного сжигания магического колеса, все разбрелись по разным углам: кто продолжал танцевать у костра, кто ходил к речке пускать венки по воде, кто раздавал угощения и молоко, а кто-то ходил гадать. Лишь в Русалочью ночь это было разрешено в качестве баловства и развлечения молодых искательных умов.

– Весь день не видел тебя, – Дион прошел вперед и сел на скамью неподалеку. Федор и Арий последовали за ним.

– Я просто кухарям помогала угощения на праздник готовить, – смутилась Ева, опустив глаза. Светлые ресницы колосьями подрагивали на воздухе.

– Успели соскучиться мы, вся наша Ева в заботах, – усмехнулся Федор.

– Правда? – невольная улыбка завладела девочкой. Бледное лицо вмиг наполнилось краской.

В обычные дни Ева проводила время с друзьями, однако сегодня она была вынуждена полностью посвятить себя подготовке праздника. Молодые девушки третьего округа очень любили Еву и не могли дождаться, когда она подрастет и станет их соседкой, потому втайне от настоятеля Луки утащили ее с собой плести венки перед Русалочьей ночью. Лука и не заметил отсутствия подопечной – она и без того была всегда безмолвна и неприметна. Рыжую девочку уговаривали сплести как можно больше венков для жителей – все верили, что в ее руках цветы обретают целительные свойства.

Еву называли ребенком солнца. При рождении властное светило даровало ей исключительный цвет волос, окрасило лицо лучами и осыпало веснушками. Правда, от обилия внимания Ева своей исключительности стеснялась. Все в ней видели лишь дитя солнца и молчаливый источник благополучия. Несколько одиноко становилось дитю солнца среди людей, которые не силились разглядеть в нем такого же, как они, человека.

Еве разрешили занять одну из маленьких построек в первом округе. В обычные дни старая избенка стояла без дела, но в Русалочью ночь молодые тишинцы собирались в ней, чтобы погадать на камешках. Когда за очередным скрипом двери показались друзья, Ева просияла – она только их и ждала.

В единственной комнатке было душно, по бревенчатым стенам разносился густой запах полевых цветов и пахучих трав. За окном бушевали гулянья, песни с улицы трепали полупрозрачный огонек свечи на столе.

– Ну-ка, погадае мне? – Агния не могла усидеть на месте и в предвкушении крутилась на табурете.

– Конечно, – кивнула Ева и мигом распутала завязки на маленьком тряпичном мешочке.

Белые руки ее быстрым и отточенным движением раскладывали цветастые камешки по столу. Мальчики с интересом наблюдали за происходящим. Когда первый этап был окончен, Ева закрыла глаза, сложила ладони вместе и быстро зашептала: «Волей лесов и духом лисицы расскажи мне судьбу, дарованную Тишиной». Агния тоже сидела с закрытыми глазами и сложенными руками, как и следовало обряду. Затем Ева открыла глаза, смешала камешки между собой, вновь сыпала в мешочек. На указательном пальце ее была подвязана красная веревочка с иголкой на конце. Девочка начала поочередно вытаскивать камешки и переворачивать перед Агнией.

– Лось, – улыбнулась Ева, перевернув первый. На нем красовалась выточенная угловатая фигура, обозначающая лося. Агния радостно хлопнула в ладоши.

Почти все дети с ранних лет понимали, куда направит их судьба после тринадцати лет – возраста перехода во взрослый мир и сознательного расселения по округам. Каждый год в Тишине проводился специальный обряд перехода для новых поколений. Однако правила устанавливали строгие критерии распределения – каждый занимается тем, чему природа обязала его посвятить свою жизнь. А природа, по учению тишинцев, свои знаки подает самым очевидным путем – внешним даром. И очень повезло тому, у кого внешний дар совпадал с талантом. Так, к примеру, случилось у Агнии – люди темноглазые и темноволосые определялись во второй округ, покровителем которого являлся лось – символ ремесла и охоты.

По той же причине гордился собой и Арий – почти никто не мог рассчитывать на жизнь в первом округе под покровительством рыси, символизирующей духовность и магию. Редко рождался ребенок со столь удачным совпадением – волхвами могли стать лишь люди со светлыми волосами и светлыми глазами, и, следовательно, светлой душой, как считали тишинцы.

Ева и Дион тоже о своей судьбе не гадали. Темный цвет волос Диона не позволял ему стать волхвом, несмотря на чистую синеву взгляда. Поэтому он, как и Ева, определялся в третий округ, округ земледельцев и рыбаков, покровителями которого были волк и лисица, символы земной природы.

Один лишь Федор с опаской дожидался неминуемо приближавшегося дня распределения. Многие предполагали, что после тринадцати лет его уже никто щадить не станет, а бесовской порок тем временем все больше захватывал тело и разум – с каждым разом все сложнее было сдерживать нервные подергивания лица. Из-за врожденного юродства Федору грозила страшная судьба. Больные и юродивые, неспособные к работе, остаток жизни проводили в четвертом округе под покровительством бабочки – символа рождения и смерти, перехода из одного мира в другой.

Тем временем гадание продолжалось. Первый камешек попал точно в цель, и интерес подогревался.

– Ветер, – следующий символ. Ева склонилась над камешком, вытянула вперед пальчик с привязанной к нитке иглой и застыла в этом положении на несколько секунд. Все выжидающе глядели то на нее, то на Агнию, то на иглу. Нитка начинала раскачиваться в разные стороны то по кругу, то очерчивая прямые и изогнутые линии.

– Буря, – заключила Ева.

– И што это значе? – Агния широко раскрыла глаза.

– В тебе сильное чувство. Оно греет тебя и всех, кто дорог тебе, но одно неаккуратное движение, и ветер превратится в бурю, неподвластную даже тебе самой.

Агния восторженно слушала. Ей льстило такое описание собственной противоречивости.

Последним камешком стал «круг» – символ долгой жизни. Агнии очень понравилось это гадание, она радостно подскочила и обняла подругу.

– Не стоит, – смущенно улыbnулась девочка, – это же не я решаю, а камешки.

– Зато забава дивна! – колокольчиком рассмеялась Агния.

– Арий, теперь ты иди, – дернул его за плечо Дион.

– Я? – возмутился Арий. – Ни за что. Мне нельзя портить душу гаданиями, не положено волхвам, ага.

– Давайте я, – вызвался Федор и пересел на табурет, где минутой ранее радовалась Агния.

Едва он сел напротив Евы, как их взгляды встретились, и та вдруг вздрогнула, будто что-то вспомнив, засуетилась и подскочила на месте:

– Сейчас, погодите минуточку.

Федор тоже смущенно отвел взгляд, стараясь не смотреть на хихикающего в стороне брата. Тем временем Ева неловкими движениями что-то собирала на крышке сундука позади себя.

– Вот! – вернулась девочка. На раскрытых ладонях лежали четыре черные веревочки, точно такие же, как на ее собственном запястье. – Это вам. В честь праздника.

– Что энто? – Федор взял одну. Остальные Ева раздала друзьям.

– Я эти веревочки сама сплела и отмочила в отваре чудотворном прошлой ночью, теперича просушила. Они очень крепкие, не порвутся хоть чрез сто лет, на травах закрепленные. Надо на запястье подвязать. Это вам и оберег, и память будет, – она просияла, заметив, как Федор завязывает узелок на запястье. Даже Арий умилился и согласился надеть самодельный подарок, несмотря на все прежние свои отговорки о нелюбви к подобным народным изобретениям.

– Благодарю, Ева, – Агния вновь обняла ее.

– Нам вроде и гворят, что все мы друг другу равные братья, – проговорил Дион, руководимый странным сердечным вдохновением, – а мне все равно кажется, что вы мне больше братья, чем все остальные.

– Не говори так вслух, – махнул на него Арий, после чего полупшепотом добавил. – Вдруг кто услышит. А так я тоже... ага, ну, так думаю.

Дион усмехнулся и потрепал его по волосам. Тем временем Ева уже раскладывала камешки для Федора. «Волей лесов и духом лисицы расскажи мне судьбу, дарованную Тишиной», – произнесла она перед гаданием.

– Сила, – был первый камешек.

Все мигом округлили глаза и вытянули носы вперед, чтобы разглядеть выпавший символ. Иголочка на пальце Евы качалась из стороны в сторону. Поначалу слабо, однако затем нитка начала раскачиваться сильнее. Девочка и сама была заметно удивлена, поэтому мигом вытащила следующий камешек:

– Волк.

Все облегченно выдохнули.

– Вот видишь, Федор, – обрадованно вскрикнул Дион, – быть тебе с нами в третьем округе.

– Погодите-ка, – Ева прищурилась над иглой. Она совсем не качалась.

– Что значит энто? – забеспокоился Федор.

– У тебя будет сила. Большая сила, игла гуляла. Но она придет не от наших духов, не от волка. Чужеродная сила.

Федор просиял:

– Может, значит энтэ, что смогу я открыть мир чужой, от которого прячемся мы в этих лесах?

– Кто знает, – задумчиво протянула Ева, вынимая последний камешек. Уж очень ей не нравилась подобная комбинация. – Огонь.

Федор скривился в смущенной улыбке.

– Хорошо гадание! – рассмеялся Дион. – Федор-то как раз огня боится. Ну, игры! Погадай-ка мне теперь.

Камешки вновь закрутились и застучали между собой. Дион на мгновение поймал сосредоточенный взгляд Евы, она улыбнулась и вытащила первый символ.

– Пустой! – ошарашенно вскрикнула девочка, перевернув камешек.

– Что энтэ значит? – все разом подскочили к столу.

– Разве такие бывают? – возмутился Дион.

– Бывают, – Ева засуетилась, дрожащей рукой укладывая камешек назад в мешочек, – энтэ значит, что Тишина не открывает твоей судьбы. Дальше гадать опасно.

Глава 2. Мы

I

Южтолэзь², 19 день от первого солнца, 94 год.

Дни в Тишине неспешно сменяли друг друга. Подошли к концу весенние празднования смены года.

Невзирая на морозы, с первых дней весеннего месяца вновь понемногу начинала кипеть в округах жизнь, ремесленники отпирали замки на дверях промерзших мастерских, пахари готовились к выходу в поля; всюду разносились людские молитвы и готовились подношения духам-покровителям. Тишина пробуждалась от зимнего сна.

Только волхвы работали всю зиму, пока стыла в безмятежной спячке Тишина. Не был мороз поводом для прекращения ночных служб, а в окнах хором Вельфа, как поговаривали, даже темными ночами сверкали огни – столь яркие, что ни одна свеча не смогла бы воссоздать подобный свет. Магия. Жители второго округа, что ближе всех к озеру, ночами наблюдали мелькание цветастых огоньков на противоположном берегу и разносили всюду слухи о том, что ночью в первом округе беснуются духи, пришедшие на оклики почтенных волхвов.

Много праздников ежегодно проводилось в Тишине, ведь надо человека занять каким-то весельем, тогда и жизнь его – от одного обряда до другого – мигом заиграет краской и даже каким-нибудь смыслом. Вот и теперь, едва встретив новый год, тишинцы готовились к следующему, еще более важному и торжественному празднованию – дню весеннего равноденствия. Трепетное ожидание весенних гуляний выражалось в словах и переглядках, но жизнь тем временем продолжала ступать своим чередом.

Старшие дети и нравственно, и физически подготавливались к долгожданному дню перехода во взрослый мир. Нашим же ребятам до распределения оставался всего один год. Однако с наступлением нового года неминуемость тринадцатилетия становилась все более ощутима – всего один год на то, чтобы побыть детьми. Всего один год будут прощать шалости и снисходительно кивать головой в ответ на глупые вопросы. Всего один год засыпать под одной крышей и просыпаться под звон смеха друзей, с которыми выросли. Всего один год выслушивать нудные поучения настоятеля.

А потом – другие заботы, другие люди вокруг и другой маленький мир. Потом они наконец станут полноправной, значимой частью организма Тишины.

Арий этого перехода ждал больше всех. Страх и предвкушение смешивались в нем. Волхвы! Они несут большую задачу, они – опора селения – отвечают перед духами за всех людей, становятся хранителями и заступниками духовной жизни каждого отдельного тишинца и всех вместе взятых. Духи тоже существа весьма характерные, не станут великие подпускать к себе того, кто не готов к познанию их могущественной воли. Арий считал себя обязанным оправдать все возложенное на него, вообразив себе ношу, пожалуй, большую, чем она была на самом деле. Он был крайне серьезен.

Будущий волхв уже сейчас учился аскетизму – вместо игр с друзьями свободные часы он проводил у деревянного идола, вычерчивал на земле угловатые символы и все-все пытался запомнить, хотя прекрасно знал, что в первом округе его и без того будут учить тонкостям служения. Между делом говоря, не только высокие чувства заставляли Ария с завидным упорством заучивать сложные молитвы и обряды наперед. Среди своих ровесников он был едва ли не единственным, кому судьба сулила почетное место в кругу волхвов. С самого детства даже ворчливый настоятель Лука обходился с Арием особенно – как со взрослым. Остальных подопечных ругал, а с ним говорил серьезно – как со взрослым. Потому что этот – особенный

---

² Южтолэзь – март.

– у него высокое будущее. Этому быть волхвом. Арий эту разницу замечал. Ему даже нравилось быть особенным, быть «взрослым» среди глупых детей, словно именно ему уже открывалась какая-то загадочная истина. Однако человек слишком быстро привыкает к возвышению над равными себе. Арий уже не мог представить, что когда-нибудь он будет таким же, как все вокруг, что когда-нибудь сотрется его «особенность» – ведь в кругу волхвов все такие, как и он, все со светлыми волосами и голубыми, как небо, глазами – все особенные.

Конечно, культ собственной личности в Тишине неприемлем – кумир должен быть один – Верховный Жрец, в то время как собственное «я» – лишь маленькая часть большого, единого целого. Без этого целого не может быть никакого «я».

Однако Арий в своем желании быть непременно первым не видел никакого почитания собственного «я». Он, пожалуй, даже и не замечал этого желания – он лишь чувствовал, как скребется изнутри твердый голос: «Ты обязан». Каждый раз, когда настоятель хвалил другого, что-то больно укалывало Ария в затылок, и гадко нашептывал все тот же голос: «Ты обязан». Обязан быть на месте того, кого хвалят. Простое детское желание заслужить одобрение быстро переросло в зависимость. Ведь он обязан. Сама природа наделила его исключительными чертами, а потому он теперь непременно обязан оправдать этот подарок.

На поляне за детским домом шумели игривые голоса. Утром, после заутрока, подопечные настоятеля Луки спешили поиграть в салки с младшими ребятами. Азарт нарастал значительный, ведь на этот раз ставка была высока – проигравшая команда обязывалась уступить победителям "вечерний огонек". Воск в Тишине был ценнее серебра, далеко не во всех комнатах вечером позволялось держать свечу. Возмущенные писклявые возгласы оповещали всю округу о том, что в нешуточной борьбе старшие уже обходили младших и завоевывали возможность посидеть перед сном за разговорами вокруг драгоценной свечи.

Арий тоже ужасно хотел поиграть в салки, побегать за малышкой, к тому же сегодня впервые за долгое время выдалась теплая погода – мокрый весенний воздух был столь мягок и сладок, что в нем хотелось захлебнуться. Однако Арий все же предпочел отправиться к идолу. Сегодня он обязал себя выполнить послеобеденную молитву, как выполняют все почтенные волхвы – уже через год это действие станет его постоянной обязанностью. Арий заставлял себя привыкать уже сейчас, чтобы потом, когда придет время отправиться в первый округ к другим волхвам, даже среди них стать лицом выдающимся. Желание похвалы пожирало все остальные его желания. Похвала от самого себя уже не могла насытить – внешняя гордость становилась лишь прикрытием для гадкого голоса, до иступления истязавшего юный организм: «Ты обязан». Обязан не только перед самим собой, но и перед всеми другими. Только тогда будешь достоин потешить себя минуткой одобрения.

В этом уголке округа, рядом с невысоким деревянным идиолом, редко можно было встретить случайного прохожего. Поздним утром, когда сходил ночной холодок и высыхала под мартовским солнцем промерзшая земля, все взрослые были заняты делами – к началу весны скопилось много работы. Из-за рубцов низеньких крыш доносилось фырканье лошадей, гонимых на поля, разговоры кухарей и крики детишек, занятых салками.

Тем временем над Арием возвышался суровый взор идола-покровителя четвертого округа. Подобные идолы рассыпались по всем округам, и в каждом они были свои.

Ветхий тотем, возведенный еще во времена основания Тишины, лет сто назад или даже раньше, был уже давно забыт волхвами и уже совсем не использовался для больших обрядов. Только дети и древние старики порой приходили в этот уголок молиться. Но старый дух продолжал оберегать жителей четвертого округа от нечистой силы, взамен выслушивая лишь сбивчивые молитвы Ария – он едва ли выучил наизусть священные слова, которые полагалось произносить волхву перед идиолом, как почти сразу прибежал сюда, чтобы закрепить результат. Уже через год Арию придется исполнять этот ритуал ежедневно – таково бремя волхвов. В продолжение очередного чтения молитвы в голове вновь и вновь невольно рисовалась при-

зрачная мечта о том, как удивятся взрослые волхвы, когда примут Ария в свой округ – едва перешел, а уже все знает и умеет. Они непременно будут поражены положительно.

Перед глазами темнело старое дерево; идол четвертого округа многим казался самым жутким из всех. На округлой поверхности толстого столбика распласталось неестественно вытянутое старческое лицо с длинной бородой – обозначение предка – узкие глазки этого лица прорезались из дерева усердными ударами ножа древнего ремесленника. Мертвецки-впалые глазки. Над бровями вместо лба раскинула пышные крылья бабочка. Несмотря на всю свою призрачную красоту, над головой жуткого древесного старика она тоже становилась неимоверно жуткой. Круглые узоры-глазки казались еще одними глазами хмурого идола, точно такими же глубокими, впалыми и во всей своей неестественности живыми. Не блеск жизни придавал им живость, а мистическая, чернеющая глубина. Арий даже замялся на мгновение, столкнувшись своими светлыми глазами с этим недвижимым, вопрошающим взором дерева.

Как раз в эту короткую минуту что-то шевельнулось позади деревянного старика, затем еще и еще раз, и гулкий скрежет раздался из-за его спины. Вмиг округлив глаза, Арий оборвал молитву и пристально всмотрелся в безмолвный тотем. Мысли в голове туманились беспрерывными суетами и беспокойствами и начинали играть над Арием злую шутку. Фантазия бежала вперед него, рисуя перед глазами пугающие образы. Снова странный скрежет. Вдруг идол начал раскачиваться из стороны в сторону ритмическими порывами – мелко, часто и основательно. Едва сдержав испуганный крик, Арий резко отпрыгнул, будто неведомая сила отшвырнула его с прежнего места.

Деревянный старик продолжал раскачиваться, словно могущественная сила оживляла его. Не найдясь, что предпринять, Арий начал еще громче вслух читать молитву: не ту, что была заучена накануне, но ту, что первая попала в голову.

– У! – крикнул тяжелый голос. Арий зажмурился и в ужасе сторбился в маленький комок, не останавливая панический ход молитвы.

«И да будет так, и да будет так, и да будет так!» – в панике шептал он.

– Все, все, тихо, а то он помре со страху, – гул вдруг сменился тихим шепотом. В ответ ему прыснул другой смешок.

– Испужался? – вылетел из-за идола Дион. Арий что-то пискнул и отскочил в сторону.

– Да он чуть не призвал всех духов! – задыхаясь от смеха, вслед за Дионом выскочила Агния.

Неясно, как им удалось просидеть в засаде за деревянным стариком столько времени в ожидании удачного момента для шутки – Арию всегда казалось, что сидеть тихо этим двоим просто невозможно.

– Дураки, – промямлил Арий, поднимаясь с грязной сырой земли, взмокшей от тающего снега. Тонкие губы его, подрагивающие от обиды, с трудом приняли обычное свое прямое положение. – Что вы здесь забыли?

Он звучал так жалобно, что Диону вдруг стало стыдно.

– Тебя разыграть хотели, – вышло невольное признание. Приходилось отворачиваться от Агнии, чтобы не засмеяться во весь голос. Та уже давно хрюкала от смеха.

– Совсем не смешно, ага, – Арий с поддельным спокойствием опраивал широкие порты, еще утром вычищенные до идеальной белизны: на месте бывлой чистоты красовались пятна мокрого снега.

Голос его перескакивал и ломался, смешивался с отчетливым скрежетом вполне ожидаемой детской досады. Ария было сложно чем-нибудь задеть – в то время как любой другой ребенок мог расплакаться от обидного прозвища или проигрыша в салки, будущего волхва все эти расстройства жизни ничуть не трогали. Однако в эту минуту в небесном взгляде нетрудно было разглядеть слезы – Дион и Агния даже не предполагали, что глупая шутка, вполне свойственная им, произведет подобное впечатление. Но совсем не шутка расстраивала Ария – соб-

ственный испуг привел его в ужасное разочарование. Ведь настоящий волхв должен быть смелым и всегда сохранять лицо. А он не смог. Даже несмотря на юный возраст и по природе весьма опасливый характер, Арий не мог простить себе той минутной паники.

Искушение совести внезапно укололо юное сердце – Дион, еще раз закусив нижнюю губу, неловко подошел к другу и помог отряхнуть одежду. В холодное время года поверх хлопковой белой рубахи тишинцы носили кожух из овчины с теплым меховым воротом. Вся спина Ария испачкалась в снегу, мех кожуха отяжелел, а нарядный узорчатый пояс промок в грязи. Он брезгливо оглядел результат жестокой шутки.

– Снимай, я тебе свой дам, – пробурчал Дион. Заметив протест в глазах друга, он насилу дернул завязку на его шее. – Снимай, не дуйся. Сами мы тебя напужали. А ежели настоятель увидит на одежде будущего волхва грязь, он будет много ругаться, верно?

– А ты?

– А я в твоём пойду. Мне не привыкать.

Арий благодарно взглянул на друга. Все же многое он не понимал в Дионе: сам начудил, а теперь сам же и спасает от позора перед настоятелем.

– Айда уж, – поторапливала их Агния, – скоро урок начнется.

II

Пока одни коротали часы после заутрока за играми, другие искали развлечения в беседах. Федор и Ева отошли от ребят к ручью, протекавшему на границе третьего и четвертого округов. Кругом росли молодые деревья, на редких ветвях уже раскрывались листья. По окраинам ручья растаял снег, местами пробивались первые пучки молодой травы. Утром знахарки попросили Еву собрать раннюю листву для отваров. Не желая участвовать в очередной бессмысленной шалости брата, Федор вызвался помогать девочке, однако в результате просто стоял рядом, неловко переминался с ноги на ногу и забавлял Еву оживленными разговорами. Рядом с ней ему всегда хотелось говорить безо всякого стеснения собственной болезни или своеобразных мыслей. Федор знал, что она никогда не осудит.

– Не гляди на него так, Феденька, смущаешь же.

– А чего ж на меня глядит он так? – шепотом возмутился Федор, подставляя ближе корзинку с листиками.

В десяти шагах от них, под тенистыми ветвями ели, сидел на низенькой скамье весьма несуразного вида старичок. Именно он и стал главным предметом обсуждения. А виной всему взгляд – выразительный и открытый, будто одним этим взглядом он хотел что-то сказать, говорил, и Федору даже казалось, что до него доносятся слова, настоящие слова из уст старика. Уж слишком продолжительно он рассматривал ребят.

Поначалу Федор пытался глядеть в ответ, затем думал просто игнорировать, однако все было без толку – этот взгляд касался искательной детской души и не давал совершенно никакого покоя.

– Не гляди ты на него, – унимала Ева. – Это исихаст, он тебе ничем не ответит.

– Какой исихаст? Что такое исихаст? – Федор растерянно вскинул брови. Редко встречалось ему такое, чего бы он не знал раньше друзей. За исключением, конечно, Ария, который и без того всегда узнавал все вперед остальных.

– Настоятель Лука нам наемни гворил, разве ты не слушал? Должно, опять Дион тебя шутками отвлек. Да и разве ты не видел раньше исихастов? Их среди нас, в четвертом округе, боле всего. Ныне от исихастов старики одни остались. Молодые веры не так блюдут, как раньше бывало. А вот с полтину лет назад исихазм многие и в юном возрасте могли принять, так уж тперича и доживают молча свой век. Исихасты – люди веры сильной, они особливый аскетизм соблюдают и в энтом аскетизме к духам становятся столь же близки, сколь волхвы или даже Жрец Верховный. Исихасты кушают токмо воду да хлебушек, не тешат себя праздниками и гуляниями земными и все время молчат. Ни словечка за полтину лет не произнесут. Но в

этом открывается сосредоточение духовное, природное, самый нравственный уровень жизни. Поговаривают, будто зверье лесное исихаст понимает, будто он сам лес может слышать и на языке лесном бессловно гворить.

– И все одной Тишины ради?

– Не пойму, отчего ты так изумленно энто сказал, будто труд исихаста приуменьшить хотел.

Федор стыдливо опустил глаза:

– Нет, я... не о том я. Странно все энто – что же такого в Тишине имеется, что ради нее способен человек... вот так. На вечное одиночество себя обречь.

В спор вступать Ева не хотела, а потому вновь вернулась к своему занятию, с отрезвляющей серьезностью проговорив:

– Энто уж есть их выбор. Не нам о нем сокрушаться.

Размышлять о мире на пару с другом Ева безусловно любила, однако любила она его вопросы лишь до того момента, пока они не касались выбора других людей. Федору же, напротив, хотелось доискаться до каждого, разузнать его помысел. Отнюдь не из низкого желания влезть в жизнь другого, а из обыкновенной детской любознательности, перерастающей порой в навязчивое любопытство.

Между тем молчаливый исихаст продолжал свое наблюдение. Под проникающим взглядом Федор не находил себе места, пока на помощь не пришел настоятель Лука. Старик неспешно бродил по округу, созывая подопечных к урокам. Перед тем, как окликнуть Еву и Федора, он подошел к исихасту и что-то шепнул ему, в ответ на что получил долгий теплый взгляд. Судя по всему, когда-то они были друзьями.

– И чего на меня так глядел он? – пробурчал Федор, прибившись к подошедшему настоятелю.

– Раз глядел, значит, что-то в тебе сыскал особенное, – отвечал ему Лука.

– Что ж особенного! – вспыхнул мальчик. – Юродство мое сыскал? Так для того и дара не нужно.

– Не язви, Федор. Отчего ты о болезни своей сразу думаешь? Сильно же тебя мальчишки ею загнали, а меж тем нет в ней такого зла, какое тебе видится. Я знать не могу, отчего Архипп на тебя загляделся. Но взгляда его ты не страшишь, Архипп всегда человек славный был, со мною он коров с телятами в молодости пас, а на тридцатом году к духовности пришел, исихазм принял. Но глаз его незлобивый – ты, Федор, не страшишь. В тебе много особенного, одного только братца своего припомни. Ведь рождение ваше было чудом магическим.

Они направлялись к месту уроков. Уроки для молодых тишинцев проводились на полянках за домом детей, бестенистых и широких – там можно было и с луком разгуляться, и в салки перед уроками поиграть.

– Что в нас магического? – возмутился Федор.

– Редкое чудо, ежели животина двумя телятами отелится, а уж когда два дитятка у девчушки разом родятся, так это знамение великим становится. В тот год, восемьдесят второй от спасения Тишины, вы и родились, как сейчас помню. Тот год знаменательным стал, тогда и четвертый Верховный Жрец венец принял, и год на плоды был щедр, на дожди и на солнце не скупился. Тогда я уж знал, что вас под опеку свою возьму – очень меня это рождение чудотворное восхитило. Предчувствие у меня, что неспроста два молодца разом в наш мир явились. А твое имя, Федор, имеет даже историю интресную. Федором я тебя назвал в честь второго Верховного Жреца Федора, что силу Инмара унаследовал и Тишиной долго и добро правил, силой магической огонь подчинил. При нем наша вера возросла и укрепилась, а имя его в истории тем же огнем чудотворным выжженно. Так что и ты, дружок, верь, что тебе сильнейшие предки наши покровительствуют, и в судьбе своей разочароваться не смей. Все нам даровано духами, и все неспроста.

Слова настоятеля несколько ободрили мальчика. Но Федор привык считать себя человеком твердым и скептическим, как бы сложно это ни было в стенах набожной Тишины, а потому не позволил себе поддаваться сладким речам и легендам:

– Из-за юродства меня могут в четвертом округе навсегда оставить... не хочу я к людям убогим. Ведь и ходить, и гворить могу я, и ра-аботать способен! – в волнении он не сумел удержать нервный тик в конце речи, отчего все грозное возмущение неловко скомкалось и оборвалось.

Лука с сожалением глянул на подопечного.

– Будь судьбе покорен, смирен и следуй добродетели, тогда и духи тебе будут содействовать, и все сложится так, как прикажет Тишина.

– Безрассудно всю жизнь полагать на одну Тишину, – взбунтовался Федор, но взбунтовался только себе под нос, так, чтобы не услышал настоятель и не отругал его за очередные вольные речи.

Однако речи долетели до чуткого слуха Евы. Говорить что-либо девушка не посчитала нужным – слова только раздражили бы друга. Вместо этого она взяла его за руку.

– Все будет добро, и мы вместе пойдем в третий. Еще целый год! – весело шепнула она, когда они немного отстали от настоятеля Луки.

Ребята следовали за его широкой спиной, тихо перешептываясь о всякой ерунде. О ерунде было говорить проще, чем о далеком и неизвестном. Про себя Ева тоже боялась будущего, боялась оказаться в третьем округе без Федора, ведь никого в целом мире не было ей ближе него. Федор считал ее особенной, но не за рыжие волосы и веснушки на щеках, а Ева считала его особенным не за болезнь и не за чудную историю рождения. Все эти суеверия казались им пустыми. Друг для друга эти двое были особенными потому, что оба в человеке умели видеть человека живого, настоящего, свободного от напускной легенды.

III

Они познакомились в шесть лет, когда чуть повзрослевшие дети, переселенные в общий дом (до этого они росли на попечительстве теток-знахарок), едва осваивали новый для них мир самостоятельной общинной жизни. В те ранние годы учились они мало, делали первые шаги в учении Тишины, возились под ногами у взрослых и лишь издали наблюдали, как дети постарше учатся натягивать тетиву на древко лука и стрелять из него по самодельным мишеням.

Ева глядела из-под шторки длинных светлых ресниц на то, как весело познают мир ее ровесники, как делают неловкие шаги и спотыкаются, звенят голосами, бегают друг за другом, объединенные радостным ощущением принадлежности к общему, единству Тишины.

В тот день ребята играли на озере. Под жарким солнцем все кругом густо заросло травой и цветами. Дети разбрелись вдоль берега, затеяв ловлю головастика, а настоятель Лука, усевшись на старом пне неподалеку, заговорился с настоятелем Мироном, которому скоро предстояло передать подопечных во взрослый мир.

Ева пряталась в густых зарослях некошеной травы вдали от берега, где девочки водили хоровод, обгоняя друг друга, и раздавался еще малознакомый звон смеха.

– Что делаешь? – от занятия ее отвлек чей-то участливый голос. Ева испугалась, дернула руками от неожиданности, однако виду не подала и подняла наверх кроткий взгляд, отыскивая говорившего.

– Цветы собираю для венка, – сбивчиво пропищала она.

Одна рука Евы обнимала густой букет желтых одуванчиков с длинными стеблями.

– Тебя как зовут? – настаивал голос.

Ему было интересно, что за цветочные кольца носят на головах взрослые и как это делают, но Агния всегда отказывалась плести венки, а сам он не умел. Ева подняла глаза: над ней стоял невысокий мальчик с пытливым светлым взглядом. Она иногда замечала его в

толпе детей во время уроков. На голове нового знакомого спутанно вились темные колючки. На мгновение Ева смутилась – ей казалось, что она несколько минут назад видела, как этот же мальчик уходил с остальными к озеру, а теперь он вновь стоит тут, перед ней.

– Ева, – она вновь опустила взгляд, опасаясь обжечься о непривычно-дружелюбный холодок его глаз.

– Меня зовут Фед-дор, – ужасно не вовремя искажил черты его лица нервный тик.

Федор смутился, предвещая привычную реакцию отвращения. Он с трудом выдавил непринужденную улыбку и протянул руку Еве. Вопреки опасениям, девочка лишь аккуратно протянула руку в ответ, а на лице ее не мелькнуло даже тени насмешки.

– А сплетишь мне венок? – развеселился Федор.

– Какой ты хочешь? – Ева повеселела вместе с ним.

– Из васильков хочу... У те-еб... у тебя очень красивые волосы. Тебе вот одуванчики к лицу. Хорошо умеешь ты делать венки, да? А сделаешь еще для моих друзей? Я тебя познакомлю.

Еву удивляла эта простота. Она не знала, почему Федор вдруг решил подружиться с ней в тот день и провел весь свободный час, собирая цветы для ее венков. Тем же вечером он познакомил свою новую подругу с братом и остальными, и Ева наконец поняла, почему она, бывало, видела одного и того же мальчика с темными неряшливыми волосами одновременно в двух разных местах.

С того дня Ева трепетно хранила в своей душе воспоминание о том, как скромный мальчик впервые заговорил с ней и подарил возможность стать не просто частью Тишины, но узнать счастье быть для кого-то другом. Ей думалось, что Федор давно оставил это воспоминание в прошлом, однако он так же оберегал его в своей душе и продолжит оберегать на протяжении всей своей нелегкой жизни, временами спасаясь только им одним.

IV

С раннего детства каждого тишинца готовили к усердному труду на благо селения, где у каждого есть свои собственные обязанности. Занятие человека определялось в тринадцать лет, а до этого времени детей обучали всему понемногу – от стрельбы из лука до тонкостей вероучения. Каждый должен был уметь возделывать землю, стряпать и шить, запрягать лошадь, правильно молиться и знать все традиции, по которым жили в Тишине с самого ее основания. Не обходилось и без военного дела – на селение, конечно, извне не нападали и даже не пытались напасть. Однако защищаться людей учили. Никто не знал, от кого – быть может, от русалок и чертей. Здесь считали, что человеку важнее умение держать в руках нож или лук со стрелами, нежели умение читать и писать. От чтения появляется много дурных вопросов в голове.

Так или иначе, в Тишине была даже своя собственная дружина, члены которой содержались подле Верховного Жреца. Объявились они не так давно, одновременно с появлением самого Вельфа. Кто они и откуда – никто не знал. Слухи ходили самые разные, вплоть до темнейшего мистицизма, однако служили дружинники справно и народ не обижали, поэтому очень скоро про них все забыли. Всего дружины насчитывалось человек до десяти, обитали они в основном в первом округе, а простые народные потасовки как правило унимались самим же народом. Однако едва где-нибудь в очередной раз объявлялся смельчак, желающий выйти за пределы селения, срубить частокол, пробраться в священные обители волхвов или учинить еще какую-нибудь дикость, как дружинники мигом напоминали о себе и вводили бунтовщика туда, куда ему следует. Для мирного люда все это представление было одной только потехой.

– Каждая стрела равна ценнейшему перстню, не истратьте ни одной впустую, – скрипел голос настоятеля Луки, который, прихрамывая, бродил вокруг группы подопечных.

К деревянным столбам крепились самодельные мишени. Стреляли поочередно, передавая лук из рук в руки. С самого утра день обещал быть жарким. Дион лениво стоял в колонне

позади брата, изнывая от надоедливых лучей солнца. Желтыми полосами они играли на колючих завитках волос Федора, который, не оборачиваясь, сосредоточенно следил за всеми стрелявшими впереди. Он пытался разглядеть и в точности запомнить каждый жест и поворот стопы – любое, даже самое мелкое движение, происходящее в теле человека в момент меткого выстрела. Все это Федор складывал и переставлял в своей голове так, чтобы затем, когда подойдет его очередь, в точности повторить и сделать идеальный выстрел.

– Ха! – вскрикнула Агния, резко отпустив тетиву. Стрела ударила близко к центру мишени.

Рядом с ней, в соседнем ряду, стрелял Арий. Ему с трудом удавалось держать тяжелое оружие, тонкие побледневшие руки непроизвольно сгибались в локтях и подрагивали. Выстрел вышел слабым, а стрела даже не долетела до мишени.

– Научил бы его кто-нибудь хотя бы тетиву натянуть, – усмехнулся Дион.

– Волхвам така работа не положена! – насмешливо зазвенел запыхавшийся голос Агнии.

Настоятель лишь удрученно взглянул на тонкую стрелу в траве и махнул рукой, чтобы следующие по очереди принялись стрелять. Агния отбежала, передав лук в руки Федору. Притаив дыхание, все внимательно следили за его движениями. Арий с некоторым пренебрежением стоял в стороне, Дион присел рядом, не сводя с брата опасливый взгляд – Федору редко удавалось выстрелить, и каждый раз он ужасно из-за этого расстраивался.

– Думаешь, выстрелит? – шепнул Арий Диону. Тот лишь задумчиво повел плечами. Сам он никогда особенно не интересовался оружием, однако не мог не замечать, как каждый раз после очередной неудачи брат опускает в землю разочарованный взгляд. Федору тяжелее остальных, Дион хорошо это понимал и отчего-то считал себя перед ним виноватым.

Федор уверенно шагнул вперед, поворотом головы смахнул со лба непослушные кудри и мигом подхватил тетиву. Ребята позади перешептывались. Обрывки чужих фраз, доносимые с ветром, сплывали перед глазами и мешали ясно разглядеть мишень. Отсчитав про себя до трех, Федор собирался выстрелить, однако в последнее мгновение очередной безумный всплеск сковал его тело, на секунду искривил лицо и заставил руки дернуться, выронив лук.

Настоятель разочарованно махнул рукой – иного ждать он не мог. Мимо пролетели меткие стрелы других ребят. Артистично скрывая собственную досаду, Федор передал лук в руки брата и невинно улыбнулся, открывая круглые ямочки по углам губ.

– В следующий раз, – кинул он.

– Разве ты не можешь просто не дергать руками? – шепотом поинтересовалась Агния.

– Не могу, – пожал плечами Федор и как-то странно оглядел собственные пальцы, словно бы он действительно мог совладать с этим недугом, но не знал, как.

Спустя несколько времени вновь подошла очередь Агнии. Она вышла вперед, в боевом размахе выпустив руки, повертела стрелу в воздухе. Подвязанное расшитым пояском белое платье путалось под ногами, а из-под тонких бровей звенел азартный черный взгляд.

– Настоятель Лука! – вдруг окликнула Агния. Новая идея пронеслась в ее голове, когда взгляд встретился с мишенью. – Можя замест меня ишо раз выйде Федор?

Арий и Дион одновременно переглянулись и вновь уставились вперед. На удивление настоятель согласился. Ему и самому было печально наблюдать исступленные попытки юродивого – быть может, хотя бы Агния сможет его научить. Федор вышел вперед, благодарно принял лук из рук подруги. Она одобрительно улыбнулась во весь свой широкий рот, словно совсем не слышала тихие смешки ребят за спиной.

– Токмо стрелы на него переводить, – раздавались голоса остальных.

– И чего настоятель позволяет? – успел недовольно шепнуть мальчик в толпе, после чего в плечо ему ударил камень. Обернувшись, он наткнулся на сверкающий синий взгляд. Если бы в эту минуту Арий не подхватил Диона за локти, возможно, завязалась бы очередная драка за честь брата.

Тем временем Агния не отходила от Федора. Она встала чуть позади и вместе с ним придерживала тетиву, которая, скрипя, прогибалась и вытягивалась. Агния шепнула:

– Просто утихомирься, и бес тебя не буде точить, – она, как и все, искренне верила, что в приступах Федора виновата нечистая сила.

Агния всегда говорила с такой неприкрытой самоуверенностью, что предвкушение неминуемой удачи завладело и Федором. Он выпрямился, сдвинул брови и стал крайне похож на Диона в минуты, когда тот намеревался вступить в очередную перепалку с кем-нибудь из ребят. Туго натянутая тетива прорезала пальцы, локоть подрагивал в воздухе, и Федор чувствовал, как невесомо Агния пытается придержать его от неверного шага. Не слышались уже надоедливые смешки, не было укоризненного взгляда настоятеля и прежнего недоверия к собственным рукам – все отступило куда-то назад, пока здесь, в этом моменте, в ушах стоял только скрип туго натянутой тетивы.

– Давай! – крикнул Дион.

Стрела тихим свистом разрежала воздух и, хоть оказалась далеко от центра мишени, но все же долетела до нее. Это было большой удачей – Федор просиял. Про себя он сделал радостное открытие: в минуту полной концентрации внимания на маленькой черной точке в центре мишени ничего не могло вывести из-под контроля его тело. Дух оживился бодрым ударом самоуверенности.

– Охотником буде! – колокольчиком рассмеялась Агния, дважды хлопнув друга по плечу.

– Ага, вот тебе сказка... – пораженно шепнул Арий Диону.

– Завидуешь? – тот горделиво вскинул кончик носа, совсем забыв о том, как минуту назад прятал глаза в страхе за промах брата.

Ликования прервались новым поучением настоятеля Луки:

– Не всякому дано стать охотником, но уметь защитить себя от зверя или злого человека обязан уметь каждый.

С уст Федора невольно слетела скептическая ирония:

– А от чертей не надобно защититься?

– А тебя за своего почтут! – злорадно вторил ему один из мальчишек в толпе.

Федор сконфузился, и блеск минутной удачи тут же покинул его.

– От черта хитроумного нас волхвы обрегут, – настоятель Лука строго осадил ребяческий ропот. – Бояться нечисти не надобно. К человеку, что душой чист, пред собой да пред Тишиной честен, ни один черт не подберется. Гнев бесовской пред народом волхвы удержат, не зря каждую ночь они обряды ведут, силу Верховного Жреца укрепляют и ею стены наших жилищ защищают. Волхвы – народ особый. Знал я одного в молодости, умный парень был. В первом округе чтению выучился, потом и сам нашу историю в книгу записывал. Хороший был он. Книгу Книг священную мечтал поглядеть, все изучал да изучал, сколь мог. Им-то, волхвам, руны да книжки эти знать положено. Энто у нас все по-простому – на слове.

– И куда делся он?

– Избрали. Ныне в Верхнем мире, верно, подле предков, блаженствует. В день искупления его от волхвов выбрали, вот и отправился. Велика честь! Не зря, видно, столько к Тишине приобщиться мечтал. Сбылась мечта. Оно, детятки, вона как – что у Тишины попросишь, то и дарует она тебе. С тебя спрос малый – закон соблюдать, порядок человеческий чтить да духа не прогневить. А Тишина уж сама распорядится, чего положено тебе. Так и избранных выбирают. Завтра день искупления уж, помните вы? К празднику такому приготовиться надо бы. Я вам историю не сказывал, малы вы были больно, а тперича скажу, тперича вы подросли. Празднество искупления случается раз в три года, падает оно на день весеннего равноденствия. То праздник особый – не день, когда все пляшут, но день, когда вера наша крепится. В день искупления Верховный Жрец избирает по человеку от каждого округа. Стать избранным – честь великая. Энто шанс вверить судьбу и жизнь воле духов, выказать свою преданность и чистоту

веры им. Четверо избранных от каждого округа становятся, по преданию, проводниками слова Верховного Жреца в мир духов – Верхний мир. С избранными отправляются от каждого округа дары и благодарности предкам, за что взамен они получают вечный покой душевный, но не на земле, а над нею – подле предков и в единении с лесом. О такой судьбе мечтает всякий. Не думайте спросить, как выбирается избранный, какой он должен быть на вид и на слово – то неизвестно ни мне, ни другому кому. Всегда это люди разные, не похожие ничем друг на друга. Но скажу я так – избранный человек непременно честен и светел. Душу черную в Верхний мир не направят.

– Слыхал? Тебе не светит избранным стать, – подтолкнул кто-то Федора.

– Чево сказал? – Дион мигом пришел на защиту.

– Ему бес душу чернит!

Завязалось обсуждение, и про стрельбу из лука скоро все позабыли. Знание традиций не уступало в важности умению метко стрелять.

Уроки длились недолго. Возраст не позволял настоятелю слишком много времени проводить с шумными детьми, поэтому перед обедней их занимали кухари – готовить на весь округ было непросто, и помощь старших ребят на кухне приходилась весьма кстати.

У

– Интресно теперича, кого выберут для праздника искупления.

Вечером Агния и Ева спустились в комнату к мальчикам. За окном давно стемнело. На табурете у кроватей теплился выигранный утром огонек. Остальные соседи разбежались по чужим комнатам, где уже заводили вечернюю игру в камешки. Перед сном оставалось еще несколько времени для сплетен и обсуждений прошедшего дня. Жизнь столь редко радовала интересными происшествиями, что завтрашний день искупления, магическая легенда и интрига выбора избранных волновали юные умы.

Ева сидела на кровати Федора, рассматривая полупрозрачную ночную синеву в окне – все пыталась разглядеть звезды, однако вместо них видела лишь желтые остатки заката в углу небесного полотна. Агния бесцеремонно упала на кровать Ария, которую тот минуту назад долго и педантично разглаживал. Арий шумно вздохнул – прогонять Агнию было бесполезно, поэтому он просто сел рядом, замест всех возмущений выказывая одно только молчаливое негодование. Не прошло и минуты, как с другой стороны к ним подлетел Дион, с вызывающей наглостью запрыгнувший на свежевystиранную подушку.

– Лучше б не выбирали никого, – пробурчал тем временем Федор, весь вечер хмурый и занятый размышлениями.

– Почему? – оглянулась Ева.

– Я б хотела быть избранной, штобы можно было побывать в хоромах Жреца, – зазвенела Агния, – а потом исшо все эти почести, праздник и никакой тебе заботы.

– И не надо всю жизнь гнуть спину на полях, – кивнул ей Дион.

На лице Ария выразилось взрослое выражение, совсем не подходящее юным чертам, какое бывает в минуты едва скрываемого раздражения и как бы говорит: «Вы все слишком много думаете, вам так не положено. Оставьте эту работу тем, кому умение думать дается лучше».

– Какие вы дурные, ага. Вам токмо бы отдыхать, и чтобы все очень просто. Ведь в этом куда большее значение заключается, там и душевная гармония, и достижение равновесия в чистоте Тишины...

На полуслове его уже никто не слушал – длинные речи о чистоте Тишины и постижении истины все и без того знали наизусть. Монотонный голос Ария сливался с усыпляющей теплотой весенней ночи. В коридоре шаркали шаги настоятеля, а единственная свеча на табуретике то и дело опасно колыхалась, так что Еве постоянно приходилось унимать огонек ладонью.

– И к чему вам это? – Федор наконец перебил начало затянувшейся речи. Что-то ужасно возмущенное всплеснулось в нем. – Искупление души, жизнь среди духов... Не лучше ли остаться здесь, в мире этом? Вот мне и здесь добро. Да, не такой дивный этот мир, как тот, но и в нем сыскать можно много интересного.

– Да, – Дион, казалось, был готов согласиться с любой точкой зрения. Его самого вовсе не волновали вопросы духовные. – Не уйду никуда, пока волков вживую не посмотрю!

– А я бы хотел Верховного Жреца поближе увидеть, ага, – Арий тоже замечтался, – поговорить с ним, ага. Он, должно быть, очень много знает. А магия, вы видели магию? Какой же человек смог бы руками костер поджечь!

Разговор тянулся тихо и неспешно, по-ночному. Неясно отчего, но все говорили вполголоса и готовы были рассказать все подряд мысли, приходящие в голову, не утаивая ничего про себя. Пока продолжались обсуждения, Агния, уложившая голову на маленькое плечо Ария, незаметно засопела, а тот застыл в одном положении, не позволяя себе шевельнуться. От ее волос пахло последним весенним снегом. Агния засыпала точно так же быстро, как и просыпалась – словно в один миг кончался в ней сумасшедший запас бурных ветров, и утихал вместе с ними колокольчик, чтобы подготовиться к следующему дню, полному смеха и забот.

Ева мелко перебирала пальцами по ладоням. После дневных разговоров с Федором и настоятелем Лукой ее мысли беспрерывно посещали странные догадки, объяснения которым девочка не могла отыскать в своем сердце. Она была очень умна. И, под стать Федору, часто размышляла. Совсем немного размышлений требовалось, чтобы отыскать в Тишине множество таких странностей и несовпадений, которые невольно толкали на весьма сомнительные умозаключения. Много из того, что рассказывал настоятель Лука, знахарки или другие взрослые, совсем не сходилось с реальностью. Это ужасно беспокоило Еву. Она волновалась, отыскивая странности, но просто не могла не замечать их.

Внезапно большой палец уцепился за ниточку на запястье – Ева наконец оторвала взгляд от черного неба и взглянула на собственные руки и на ниточку, в которой запутался ноготь. Черная нить, уже год болтавшаяся напоминанием о той тесной связи, что сплетает ее с друзьями. Сразу вновь стало спокойно – в этом непонятном мире она не одна. И этого вполне достаточно.

– Одиноко... иногда, – тихо проговорила Ева как бы совсем не к месту, но будто бы очень даже в лад всеобщего настроения. – Интересно, одни ли мы в этом мире? Одинока ли Тишина?

– Не одни, я уверен, не одни! – подхватил Федор и после недолгого размышления добавил:

– А никогда не задумывались вы, что не так просто все? Что не так просто в мир люди являются, не от одной только природы. Ведь не просто так. Есть мысль такая у меня, что рождаются люди похожими друг на друга, потому что передаются детям черты родителей, именно кровных родителей, и так отличаемся мы друг от друга, но при том есть вот такие похожие, как я и Дион. Так и предположить можно, что наши родители живут ныне где-то в третьем округе и даже не знают, что мы вот тут растем.

– И что же? – проговорил Дион. – Живут и живут, а нам-то что?

– А то, что так выходит, будто основан наш порядок на странном, – Федор побоялся сказать вслух слово «неверном», – слово. Весь вечер об этом думал я. Глядите, – он еще больше понизил голос, – говорят нам, что все в нас – дары природы, и ежели ты, к примеру, темноволосый и кареглазый, как Агния, ты, значит, по призванию ремесленник или охотник и лучше всего только в этом деле себя явишь. Но ежели допустить, что наш лик – лишь подарок от кровных родителей, то не имеет смысла все это. Ведь просто совпадение, к примеру, что у нас с Дионом именно светлые глаза, а не темные, как у Агнии. Просто совпадение, что наша мать имела такие глаза. И как же тогда можем мы судить о назначении человека по этому совпадению?

– Что за глупости, – скривился Арий, одарив Федора высокомерным взглядом, в котором без труда читался раздражающий снисходительный тон.

Федор хотел что-то резко ответить, однако в очередной раз слово сбилось нервическим вздрагиванием головы.

Спорить с друзьями было бесполезно – любое слово Федора могло непроизвольно превратиться этим вздрагиванием, после чего все молча кивали, не скрывая все той же снисходительности, и как бы говорили: «Что и требовалось доказать». Что и требовалось доказать – в тебе живет бес, а потому ты не можешь здраво рассуждать, всякая твоя идея будет принята за бесовские проказы, а мы лишь снисходительно кивнем в ответ и через минуту забудем все, о чем ты говорил. Можешь пытаться понять нас сколько угодно, но мы ни за что не будем слушать детские домыслы, которые нашептывает тебе демон, дергающий твое лицо.

Все это прочитывал Федор в снисходительных взглядах и кивках друзей, остальных ребят и всех взрослых, с кем он пытался говорить о серьезном.

– Как мы можем пренебрегать легендой о дарах четырех чародеев? – Арий продолжать торжествовать в беспронимательном споре.

В ответ на непонятливые взгляды он со вздохом объяснил:

– Нам это настоятель уж несколько лет назад сказывал, а вы все прослушали, вот и придумываете тут, ага. Легенда о дарах чародеев гворит, что во времена, когда Тишиной управлял первый Верховный Жрец – Инмар – не было еще никакого деления по округам. Люди жили нескладно, а оттого находились те, кто не знал, чем себя занять, те, кто пытался самостоятельно искать истину и лишь порочил ее суть. В Тишине зачинался беспорядок, но у Инмара тогда было четыре ученика – четыре чародея. Когда первый Жрец состарился, пришло время ему передавать свою магию одному из четырех чародеев. Гворят, все они были достойны, и, чтобы избежать разрушительных ссор, все четверо отправились в путешествие за границы, отыскивать в лесу самый достойный дар для духов. Спустя день вернулся первый чародей. Волосы и глаза его были белы и чисты, как небо. Даром своим он преподнес шкуру рыси. На следующий день вернулся второй чародей, глаза и волосы его были черны, как ночь, а подарком леса он принес лосиные рога. На третий день явился чародей с двумя дарами – то были шкуры волка и лисицы, а глаза того чародея были зелены, как земля. Последним вернулся самый юный чародей, в руках его спала большекрылая синяя бабочка. И молвил Инмар свое решение – забрал каждый его ученик свою долю Тишины, и были тогда основаны четыре округа, где на каждого тишинца находилась достойная ему работа. Все дары были сожжены на огромном костре в том месте, где теперь стоит святилище. Тогда и природа подчинилась могучей силе чародеев, и стала создавать человека под стать его назначению. А рысь, лось, волк с лисицей и бабочка стали покровителями своих округов. Но именно первый чародей – Федор – был признан сильнейшим, и именно ему была передана магическая сила Инмара, после чего Федор стал вторым Верховным Жрецом и признал первый округ – округ рыси – местом священным и обителью волхвов. А вот наш четвертый округ основал последний чародей и наделил его покровительством бабочки, ага. На твоём месте, Федор, не посмел бы я позорить столь великое имя, подаренное тебе Тишиной.

– Даровано оно мне настоятелем Лукой, а не Тишиной! – взбунтовался Федор. – Тишина вообще не...

– Ева, Агния, а ну наверх, к себе! – закрипел голос. Скрюченная фигура настоятеля Луки показалась в проеме. Синюю дымку за окном давно заслонило чёрное полотно ночи.

Вновь всю ночь слышно было, как воют за стеной частокола дикие звери.

Глава 3. Влад

I

«Князь мира сего».

– Лес этот недалеко. Видал ты его за дорогой, к югу от деревни. Во чаще прячутся магические огни. Не всем они открывают свою правду, но ежели откроют единожды – от истины не скроется человек. Огни эти зовутся Тишиною. В Тишине могучий народ живет, тишинский народ. То люд особый – ничему за сотни лет они не покоряются, ни к одной лживой правде не примыкают, веру в свою собственную магию хранят и духов своих почитают. Токмо это тайна, Влад, запомни – тайна. Воспрещено в энтот мире правду магическую раскрывать. Здесь – всюду демоны красные, токмо близок конец им. Я чувствую энтот. Сила лживая долго никогда не жила и жить не будет.

– Расскажи еще про Тишину, пожалуйста.

– Про Тишину... что же, радует меня твоей интрес. Там все иное, не как здесь. Там люди природе отданы, природе своей молятся. Там лес царствует над человеком, и в этом царствии человек себе покой истинный находит. Тишина, она на нашу деревню похожа, токмо покрупнее будет величиною. Там каждый другому брат. Там истинно все равны. Пред лицом духов равны, пред лицом Верховного Жреца. Не дивись, Верховный Жрец – энтот у них человек есть такой особый, между духами и людом простым посланник... Он силою магической владеет, огонь подчиняет. И душа, единожды отданная Тишине, навсегда тишинскою станется.

Даже дворовые собаки устали лаяться под окном и только тихонько скулили, убаюкивая юного сына немолодой селянки. Влад слушал волшебные сказки. Сказки о лесных огнях – о Тишине. И всегда так они его очаровывали, что хотелось слушать и слушать – Влад закрывал глаза и бывал там, в этой самой Тишине, наблюдал ее беспременно кипучую жизнь, видел, чувствовал тех самых духов и ту самую небывалую магию Верховного Жреца. Поглядывал на серебряный диск волшебной луны – и засыпал под неторопливые рассказы матери.

Сказки захватывали юную душу, и без того в самом деле склонную к мистицизму. Мать прощала ему эту наивность, даже подначивала его новыми историями, и всегда об одном – о Тишине.

По деревне издавна гуляли легенды о загадочном месте, где будто бы веянием чудес сбывается любое желание, или лесные звери начинают разговаривать на человеческом языке, или русалки втягивают в топь – слухи звучали отовсюду самые разные. Стремительный прогресс советской пропаганды едва ли мог победить деревенскую молву, складывающуюся в этих землях веками – нет, вера в волшебное неискоренима в человеке, и все так же, как и сотню, или, может быть, две сотни лет назад, сельские ребята боятся встретить лешего по ночам и рассказывают друг другу байки, услышанные от взрослых.

В полусне Влад одними губами повторял за матерью тоскливый напев:

– Белолицая луна,
Мне мила ты и верна;
Светоносная луна,
Ты одна мне отдана.

Возврати, луна, домой
Тех, кто не нашел покой.
Разбуди, луна, во мне
Веру мудрой Тишине.

Проживи, луна, со мной
Путь тернистый и густой.
Сбереги, луна, народ,
Что под солнышком живет.

Белолицая луна,
Мне мила ты и верна;
Светоносная луна,
Ты одна мне отдана.

Верю мудрой Тишине,
Правда ей и сила мне.
И да будет так.

Тепло и спокойно в избе. Серебристые капли света струились сквозь мутные стекла и бегали по стенам, путались в узорчатых занавесках. Загадочный молитвенный напев – Влад знал его наизусть. В груди разливалось тепло от звука хорошо знакомой песни. Мама всегда учила его, что даже самая глупая сказка порой способна спасти целую жизнь.

II

Непроходимый лес чернел через дорогу к югу от деревни. Ходить туда было опасно и строго воспрещалось. Но без надзора взрослых деревенская ребятня тайно пробиралась к неизведанным территориям. Никто не знал, где заканчивается этот лес. Чем страшнее и опаснее, тем интереснее было проверить – что скрывается в тенистой листве. Загадочный гул, осязаемый не слухом, но всем телом, соблазнительно притягивал всеобщий интерес. А легенды! Бесчисленное количество легенд наслушались друг от друга ребята – и вот они, лесные огни.

Компания деревенских мальчишек толпилась в тени высоких сосен. На самых подступах к неизведанному краю былая уверенность мигом рассеялась – гул леса уже не казался столь манящим, а только пугал. Ветер свистел, и казалось, будто рычат из глубин чащи дикие звери.

Только Влад продолжал тянуть ребят вперед.

– Успеть бы, пока никто не видит! Давайте, поглядим скорее!

Самый младший в компании неуверенно потоптался на месте, оглядел остальных и вместе с ними отступил назад.

– А если заблудимся... Или увидит кто, – промямлил он в ответ на вызывающий взгляд Влада.

– Ну и слабаки же вы! А ты – хуже всех! Я дорогу знаю, мне мать рассказывала. Вон, видите ту дорожку – взгляните же! Она протоптана ведь кем-то!

– Грибники должно быть...

– Дурачок, какие здесь грибники? Наши деревенские в этот лес чухаются ходить. А чужой тем паче не сунется. Это волшебники из Тишины здесь ходили, правду я вам говорю. Пойдемте по тропе, там к ручью и вперед – мы найдем волшебные огни!

Влад оставался один у подножья леса. Остальные ребята отошли назад к дороге.

– Так и шагай, раз смелый! – крикнули ему старшие.

– Не пойду я один, – сбился Влад.

Среди деревенских его знали многие – мальчик рос весьма разговорчивый и любопытный, благодаря чему об окружающем мире не по годам осведомленный. Дети, особенно младшие, любили его за наглость характера, в то время как взрослые крайне настороженно относились к излишнему мистицизму местного заводицы. Влад имел нехорошее пристрастие ко всему опасному и часто втягивал в свои интересы других. Со временем, когда стало очевидно, что ребяческая тяга к сказкам с годами не утихает, а только растет, недоверие к Владу начало закрадываться даже в умах старших друзей. И вот уже все реже слушала его местная компа-

ния, и уже никто не хотел идти вслед за Владом на отважные поиски загадочной Тишины – когда сказка норвила проникнуть в реальность, у ребят тут же просыпалось желание поскорее вернуться домой, играть в опасные игры на безопасной территории.

Девочки тоже не хотели водиться с Владом. Особенным очарованием он никогда не выделялся. Черные острые глазки казались совсем маленькими и невыразительными из-за длинного горбатого носа, сам он всегда ходил как-нибудь нескладно и одевался как-нибудь наперекосяк. Впрочем, Влада это не особенно заботило.

Но была одна девочка, которую Влад знал столько же, сколько себя. Они жили по соседству. У нее было удивительное имя – Семела. Семела никогда не придавала значения красоте своего имени, лишь однажды рассказала, что назвали ее так случайно: «У бабули дома лежала книжка старая какая-то, вот вычитала мама оттуда имя такое. Решила, что красивое, вот и назвала, должно быть».

Семела была простая, и Влад любил ее за это. Ей нравилось слушать его сказки. Между тем, глупо было бы считать, что между ними происходила какая-нибудь настоящая *любовь*. Влад порой задумывался об этом. Любви такой, как у старших, между ними не случилось – они были слишком малы. И слишком близки душой. Они любили друг друга как брат и сестра.

Но Семела и вправду отличалась своей красотой. Глаза у нее были большие и лучистые, светились как две голубые жемчужины. Она много улыбалась, но всегда как-то скромно и едва уловимо, и от улыбки этой расходились круглые ямочки на щеках. Вся она была такая маленькая и круглая, как сверкающая лунным блеском жемчужинка. Семела никогда не хотела раньше времени взростеть. Однако порой ей приходилось. Деревенские отчего-то не любили очаровательную Дюймовочку и детей своих к ней старались не подпускать.

– Что, опять не пошли они с тобой в поход?

Семела кружилась на самодельных качелях во дворе. Влад с досадой плюхнулся рядом:

– Трусят.

– Если б можно было мне выйти с деревни, я б пошла с тобой!

– Не «если», а «когда», Селька. Когда. Когда-нибудь тебя пустят.

– Когда-нибудь пустят, – она вздохнула с наигранным воодушевлением. Верить в свободу очень хотелось, но совсем не получалось.

Влад улыбнулся ей, готовый еще что-то сказать, но Семела быстро перебила его очередные сочувствия. Говорить о своем доме она не хотела.

– Пела твоя мама сегодня такую песенку хорошую! Только забыла я... Мотив помню, а песенку забыла, – она сильнее раскачивалась на скрипучей дощечке.

– «Мудрой Тишине»?

– Да, ей! – Семела заметно ободрилась новым разговором о сказках. – Столько знает твоя мама. Нравится мне, как поет она во дворе по утрам.

– Это она напевает, пока по хозяйству возится.

– А красиво ведь! Чебер³!

– Чебер... – задумчиво вторил Влад. – Ты удмуртский знаешь?

– Бабушка знала да говорила. А ты мне песенку спой, я песенку хочу.

– Мама сказала, будто это не песенка, а молитва такая. В Тишине будто все молитвы песенками поют.

Он рассказывал так, словно Тишина в самом деле существует. Семела радовалась такому разговору. Ей нравилось думать, что Тишина существует. Существует мир, в котором нет ничего, что здесь. Совсем другой, как в книжках. Настолько ей это соображение нравилось, что все песенки и истории, выдуманные мамой Влада, она требовала непременно запоминать и рассказывать, да так, чтобы не пропустить ни одного слова. Вот и в этот раз девочка нахму-

---

³ Чебер (удм.) – красивый.

рилась, как бы предполагая, что просьба настолько очевидна, что ее не следовало бы и вслух произносить.

– Белолицая луна,
Мне мила ты и верна;
Светоносная луна,
Ты одна мне отдана.

Верю мудрой Тишине,
Правда ей и сила мне.

А дальше я не запомнил. Я у мамы спрошу и обязательно тебе запишу в тетрадке.

– Обязательно запиши, – из-под сжмуренных бровок мелькнула улыбка. Семелу всегда выдавали смешные ямочки на щеках.

Вспомнив о песенке, Влад так увлекся ею, что совсем забыл спросить Семелу о доме. Ночью он слышал стук и крики и ужасно разволновался о ней. Впрочем, Семела улыбалась и совсем не подавала виду о произошедшем.

В детстве ей никогда не рассказывали сказки, поэтому она с жадностью слушала Влада. Больше всего на свете Семела любила интересные сказки. Книг дома не осталось, поэтому знала она только сказки лесные, местные – и, ни разу не видавши Тишину, обожала ее всею душой. В Тишине каждый другому брат, а в реальном мире все будто бы друг другу чужие. И даже когда слышат скандалы из окна бедной избы, никто не приходит на помощь. Знают ведь, как там живут – и все равно никто не хочет помочь хотя бы маленькой девочке.

Здесь никто не признает волшебства, никто не подчиняется ему. Вера у народа одна – в партию. Остальная воспрещена. И даже если настоящая вера где-то есть, то прячется. А там, в сказке – там все верят в волшебство, не задумываются, есть оно или нет – там живут с волшебством.

Влад закружил Семелу на качели так сильно, что в ушах зазвенел холодный ветер, а волосы болтались туда-сюда, укутывая лицо. Откинув голову, Семела всей грудью вдохнула – она слышала гул леса. Она понимала его гул лучше, может быть, чем Влад, но никому об этом не рассказывала. И в голове представлялось, будто бы гул этот из сказки – будто бы сейчас в Тишине такой же гуляет холодный ветерок, и поют свои молитвы лесные волшебники.

III

– Дурачок же ты, Влад, – строго взглянула на него Семела. – Ведь «белолицая» с буквой «о» пишется. Ты что, уроков совсем не слушаешь?

Она держала в руках раскрытую тетрадь с рисунками, в которой Влад утром записал песню со слов матери. Семела долго не хотела доверять ему свою драгоценную тетрадку, однако в конце концов сдалась, о чем скоро пожалела. Влад наделал кучу ошибок.

– Надо было самой мне записывать, – бурчала девочка.

– Ты знаешь, моя мама не пускает чужих к дому.

– Попросил бы ее записать ее рукой.

Влад стесненно спрятал руки за спиной и тихо проговорил, будто бы надеясь, что Семела не услышит:

– Она не пишет.

– Не умеет писать? – громко удивилась девочка.

– Не знаю. Отстань, Селька.

Продолжать расспросы Семела не стала. Впрочем, ошибки Влада в своей тетрадке исправлять она не решилась. Оставила на память – даже эти глупые детские ошибки на грязных страницах обладали каким-то пленительным шармом. У Влада был красивый угловатый почерк. Этим почерком он показывал Семеле, как, по словам его матери, рисуют руны лесные

волшебники. Половина тетрадки была изрисована этими рунами. Другая половина – в лицах и глазах, листьях и цветах, какие, по фантазиям Семелы, растут в магическом краю Тишины.

– Ты только умничаешь, Селька, – они вновь заговорили о школе. – Тебе просто повезло, что ты старше.

– Всего-то на год, – наигранно обиделась Семела и капризно вздернула носик.

– Мы с пацанами сегодня после третьего урока хотим в вышибалы у школы сойтись. Приходи смотреть, как мы умников из параллели подшибем. Интеллигенция вшивая! У них там есть один, много он о себе возомнил...

Семела с улыбкой слушала его рассказы о гонках со школьными друзьями:

– Как бы вас не выгнали со двора-то.

– Так ты придешь?

– Давай позову я Сему из седьмого «А», чтоб за вас играл. С соседней деревни он и давно за мной крутится, так вот пускай хоть вам поможет.

– Давай! Так-то мы их точно разобьем.

– Тебе бы только погоняться за кем-нибудь, Влад.

– Не правда! – возмутился мальчик.

– Правда-правда, – Семела еще веселее задразнилась. – Все тебе лишь бы первым быть. С пятого класса уж в главари школы метишь. Куда тебе!

– А поделом им. Они, вона, надо мной посмеиваются, а сами-то... сами-то они во что верят?

– Партию не жалуешь ты, не возьмут тебя в пионеры, – рассмеялась Семела.

Путь до школы лежал долгий. Они всегда ходили вместе, невзирая на то, что в школе над Семелой посмеивались, мол «Селька с пятиклашкой возится». Дорогой можно было столько всего обсудить, столько всего напридумывать и сообразить на двоих. Они любили мечтать. Особенно в эти минуты – когда благодаря школе строгий родитель позволял Семеле выйти за пределы деревни. Они редко встречались с другими ребятами, потому что ходили всегда специальным обходным путем, даже если рисковали опоздать на уроки – этот путь позволял пройти мимо леса. Ничего красивее не было этого леса. И, даже если никто не констатировал это вслух, мысленное восхищение невольно просыпалось в умах обоих.

Черный лес бушевал холодным утром. Ни Семела, ни Влад не боялись его.

IV

Весна редко радовала спокойными вечерами. Давно стемнело. Сумерки шумели раскатами грома. В такое время мама всегда подолгу задерживалась на пахоте, и Влад ждал дома один. В печи постукивали дрова. Пока на улице бушевал ветер, дома было тепло и уютно. Мальчик сидел на кухне за уроками, когда в дверь слабо постучали.

Гость оказался ужасно нетерпелив. Не успел Влад сделать пары шагов к сеням, как стук раздался снова – громче и настойчивее.

– Мама дома? – Семела повалилась на порог, когда Влад открыл дверь.

Пушистые волосы намokли у висков и спутались. Одежда на ней была домашняя – в этот вечер Семела не собиралась приходить в гости. Что-то вынудило ее.

– Селька, ты чего? Что случилось? – Влад помог ей подняться в дом.

– Мама дома? – впопыхах твердила девочка. Она почти плакала, и в стыдливых попытках сдержать слезы круглое личико казалось злым и ужасно рассерженным. Влад даже испугался, что злится она на него.

– Нет.

– Усто⁴! – выпалила девочка.

---

⁴ Усто (удм.) – хорошо.

Жемчужные глаза сверкали отчаянием и метались по всему пространству кухни, отыскивая себе местечко и не решаясь примкнуть никуда особенно. В гостях у Влада Семела была впервые. Его мама была ужасно строга в этом отношении – никому из чужих не позволялось входить в дом. А чужими для нее были все в деревне. Семела знала, что, несмотря на всегдашнюю доброту и приветливость, мама Влада непременно прогонит ее, если застанет в своем доме.

В этом доме пахло особенно. Влад того никогда не замечал, но Семела даже в суете отчаяния заметила приятный запах старины. Она порывисто прошагала по кухне, как бы стыдясь своего появления, после чего в бессилии прижалась к теплой печи. В ее доме никогда не топили весной. А здесь печь была такая большая и горячая, и так она вкусно пахла, что хотелось ее обнять и заснуть.

– Селька, – Влад не знал, что предпринять. Он был ужасно напуган.

– Прости, прости, прости, – Семела зажмурила глаза и быстро затараторила. – Зря я к тебе... я сейчас посижу... пережду... и уйду куда-нибудь. Прости, Влад, ты мне один спаситель.

– «Куда-нибудь»? – рассерженно повторил Влад. – Селька, быстро признавайся, чего у тебя?

Он уже понял, что стряслось. Рано или поздно это неминуемо должно было случиться. Влад сердился не на нее, не на бедную милую «Сельку», а на ее отца. Стук ветра в окне заглушил крик из соседского дома. Влад незаметно глянул на улицу – свет в доме Семелы погас. Что там происходило теперь, оставалось только гадать.

– Я попрошу маму тебя оставить, – запросил Влад, не дожидаясь разъяснений девочки. – Я упрошу, Селька! Ты у нас переждешь.

Она отрывисто мотала головой. Влада всегда это раздражало в ней – она была слишком горда. Даже в укор себе. Семела наотрез отказалась проситься в чужой дом. И, как явилась бы мама Влада, тут же удрала бы куда-нибудь на улицу. Или в лес.

В лес. Вполне в ее характере было бы спрятаться там, не разбирая дороги.

– Боюсь я туда... – Семела кивнула в окно, в сторону своего дома. – Отец маму почти убил, он и меня, и меня убьет...

Она вся тряслась и не могла сделать и шагу от печи.

– Я побегу к соседям! – предложил Влад. Страх передавался и ему.

Жемчужные глазки округлились и сверкнули:

– Попробуй! – с наглым вызовом бросила Семела. Страшная обида обреченно взывала ее голосом. – Только считают все деревенские мать мою за ведьму! Не пустит меня никто. И за маму не вступятся. Скажут, что поделом убил. Поделом убил! Всегда говорят так они. Будто поделом ей!

– Глупости!

– Вот и не глупости! Погонит тряпкой меня со двора тетя Ксюня, злая она. И Савельев злой, бранился он на мою маму! Не пойду – даже проситься к ним не стану, все они злые, злые!

Влад навсегда запомнил это лицо – маленькое и всегда доброе, почти родное, одной минутой исказившееся животным страхом, но страхом таким, какой способен в осколки разбиться о непомерную человеческую гордость. Гордость, непонятно откуда возникшую в детском воображении, и без того всю жизнь угнетаемом бесконечными нападками отца и отстраненностью матери. Гордость, возвращенную всеобщим порицанием.

Только теперь Влад вспомнил. Взрослые и правда всегда обходили стороной Семелу. А ее мать он и вовсе никогда не видел. Кем она была? И почему Семела всегда так мечтала убежать в сказку?

Сказка – единственное место, которому она доверяла.

Влад вдруг подскочил на месте и радостно воскликнул:

– Селька, я придумал! Спрячься в сказке... в Тишине. Я знаю дорогу, я помню, мне мама рассказывала. Я тебе покажу!

– В Тишине! – Семела вскрикнула так восторженно, будто только этого и ждала.

– Пойдем, соберем тебя в поход, – с непоколебимой серьезностью произнес Влад.

Порабощенная страхом, Семела с простодушной искренностью верила всему, что выдумает ее богатое воображение. Она была будто в болезни и не доверяла никому, кроме той, что всегда спасала ее. Мысли о действительном существовании магии оберегали беспомощное сознание от горестей реальности, и вот в момент – момент совершенного краха мира – сказка полностью заполнила ее сердце.

Влад отвел Семелу в свою комнату и дал теплую одежду. Пока девочка переодевалась, он на кухне собирал ей сумку в дорогу, между тем в мыслях сочиняя, как безболезненно вывести затуманенный разум из этого волшебного забытия. Лес – единственное место, куда она готова была отправиться добровольно, без припадка истерики. Но далеко она не уйдет, а в редколесье диких зверей не водится, тем более Семела пойдет по известному ему пути – там безопасно. Так рассудил Влад. Только в лесу Селька будет спокойна – там она сможет переждать эту ночь.

Они стояли у подножья леса. Проезжая дорога была пуста и бескрайним черным полотном уходила в далекий туман. Высокие сосны качались и скрипели. Владу стало не по себе, он глянул на Семелу – она улыбалась. При первом взгляде можно было бы подумать, что девочка абсолютно счастлива. Но Влад узнавал в ней странное безумие: синие глаза беспокойно бегали и светились во мраке холодного вечера. Он не слышал, но знал – сердце ее готово было выпрыгнуть из груди. Семела слышала грохот и чувствовала бескрайнее могущество дикого леса, неподвластного маленькому и нелепому могуществу человека.

– По той дорожке шагов сорок, и встретишь ручей, – нерешительно проговаривал Влад. По пути он успел несколько разувериться в своей задумке, но Семелу было уже не остановить. – По ручью на север – там найдешь Тишину. Он впадает в их лесную реку, и кругом этой реки гуляют волшебники. Только ты не торопись, иначе собьешься с пути. А лучше вообще где-нибудь в редколесье посиди до утра...

Семела внимательно выслушала, после чего кинулась к нему, заключив в крепкие объятия. Владу становилось все страшнее. Она и вправду будто бы прощалась, обнимала шею, гладила его неровно остриженные волосы. И тихонечко шептала, будто заговаривая на нем магическое заклинание:

– Не буду, не буду торопиться! Обязательно дойду, только бы не домой. Только ты потом тоже приходи, ведь Тишина эта наша, общая. Я тебя подожду где-нибудь там, а ты приходи. А дома скажи, что к ним я не вернусь. Не хочу, чтобы отец меня... убил, как маму убил. Он ведь ее не любит. Он никого не любит. И я их не люблю, я во всем мире только тебя люблю, и только ты мне спасение. Ты мне Тишину подарил, а я тебя там подожду. И да будет так!

– Да, обязательно подожди, – подхватил Влад. – Главное не убегай далеко.

Ему хотелось плакать. Семела ушла, вооруженная сумкой с едой на ночь и спичками. На небе из-за сосновых крон показалась луна. Прохладный свет ночной гостьи привел Влада домой. На соседском дворе было тихо, свет не горел. Заглянуть в окошко он побоялся. Совсем скоро мама вернулась домой.

Ночью Влад почти не спал.

Рано утром он побежал к лесу, позабыв про завтрак. Ему почему-то верилось, что Семела окажется прямо там, где он оставил ее. У самого подножья. Но там никого не было. Влад прошел глубже – никого. Через сорок шагов никакого ручья не оказалось. Все кругом было одинаково – ломаные ветки по всем сторонам пути. Утром лес казался приветливее, но все так же хранил свою нерушимую молчаливость. Не было слышно даже гула. Ни единой души. Только сухие ветки шуршали над головой. В растерянности Влад побежал обратно в деревню – там уже было беспокойно.

Проснувшись утром, родители Семелы обнаружили, что дочь так и не вернулась домой. Они подняли на уши всю деревню. Мать девочки вправду выглядела неважно – все лицо ее было в каких-то ссадинах и синяках, а потемневшие и морщинистые руки скрывались под длинными рукавами засаленного платья, которое она не меняла будто бы двадцать лет. Лицо мужчины, на которого падала обезумевшая от горя женщина, было изуродовано красными пятнами и сильно распухло. Очевидно, ночью в их доме действительно что-то происходило, и после родительских перебранок Семела искренне поверила, что отец прибил ее мать.

Однако сейчас сумасшедшая женщина гуляла по деревне и выла. Узнав о пропаже ребенка, люди все-таки вышли на помощь. В тот день Влад впервые увидел мать Семелы – та и вправду была больна рассудком. Нечто безумное, что сверкало в ее глазах во время поисков дочери, нечто столь же безумное видел вчера ночью Влад в глазах Семелы. Она всегда надежно прятала это безумие за жемчужным светом ласковой доброты, но вчера у нее не хватило сил скрывать себя.

– Адыми, юрттэ, юрттэ! – тянула старая женщина. – Дитятко-то вчера сбежало, ой, сбежало. Девонька, девонька маленькая, помогите, народ, кому не жаль, кому не жаль бедных, пропадающих. Помогите дитяточку сыскать, нет ее, нет ее по деревне! Где ты, бабка Аделаида, где теперь твоя сила, милая? Почему оставила нас, Аделаида, на кого силу бросила! Пропашие мы, пропашие! Палэсмурт! Палэсмурт, спаси дочь мою!

Протяжные вопли холодом отдавали в теле Влада.

– Дура, дура ты! Дочь свою профукала, дура! Чтоб тебя земля к себе прибрала, сама виновата, что Селя сбежала! – ругался в ответ сиплый мужской голос.

Когда стало очевидно, что в пределах деревни Семелы нет, селяне засустились уже не на шутку. К детям, которые первыми выбежали на поиски, присоединялись взрослые. Некоторые побежали в школу узнавать, другие на станцию – звонить в милицию. К полудню вся деревня поднялась искать бедную девочку. Всюду бродили люди, и среди них раздавался нескончаемый вопль сумасшедшей матери.

– Она не приходила к тебе? – строго допрашивала Влада мама.

– Нет, – скупо отвечал он.

Такая суета и шум вокруг. Влад боялся смотреть в глаза людям. Он так и не решился рассказать кому-нибудь о вчерашнем. Было стыдно и страшно. К вечеру поисковая группа из деревенских мальчишек прочесывала лес. Влад был вместе с ними. Всюду сетки ветвей и никакого следа – земля сухая, будто бы на нее не ступал человек. Озорной смех ребят за спиной раздражал Влада – многие вызвались на поиски из одного только азарта. Им было все равно на Семелу. Их просто забавляло то, что в деревне наконец произошло что-то интересное.

Влад вернулся домой к ночи. Все выходные дни он провел в поисках, почти не разговаривал и ненавидел себя за глупый страх признаться во всем произошедшем. Рассказать, что в самом деле только он один виноват в пропаже Семелы.

– Будь сильным, – успокаивала его мать. Она не могла не замечать странную перемену в сыне. – Уж ежели она пошла в лес, там она не пропадет.

– Отчего ты так считаешь?

Женщина улыбнулась:

– Наш лес волшебный. Там души спасаются.

Влад проскрипел зубами:

– Хватит, мама! Мы не дети больше, какие души, какое волшебство? Не хочу слушать! Ничего больше не хочу!

Он закрыл лицо руками и заплакал. Мама тихо наклонилась, подняла упавшую со стола ложку и положила на прежнее место. Быть может, она что-то поняла. Но не имела привычки говорить больше надобного. Вместо это лишь тихо пропела, протирая посуду:

– Возврати, луна, домой

Тех, кто не нашел покой.
Влад не поднимал головы.

«Прости меня, Селька. Я обманул тебя, повел себя, как маленький. Я испугался. Прости меня, Селька, только, пожалуйста, вернись домой».

V

Школу Влад заканчивал со славой главного возмутителя общественности. На каждом уроке он успевал отметить. Но после выпуска надолго в деревне не задержался – едва выпала возможность сбежать подальше от родного дома, уже порядком возмужавший юноша наскоро попрощался с матерью и уехал в столицу республики. Поступление в техникум было лишь предлогом побега. Черный лес родного края, так хорошо знакомый, но при том никому неизвестный, изо дня в день пробуждал в душе самые неприятные воспоминания. Со дня пропажи Семелы Влад к нему не приближался, опасаясь того, что может обнаружиться в густых дебрях непроходимых ветвей – множество ужасающих картин рисовало детское воображение. Страх оставался с ним до самого дня отъезда из дома.

Однако все прежнее быстро забывалось – сменялись картины за окном электрички, затем старые привычки понемногу уступали место новым, городским, с каждым днем приходили в жизнь новые люди и интересы, и образ Семелы, оставшийся в далеком детстве, необратимо стирался в суете этой новой реальности. Ее лицо Влад помнил туманным пятном с большими круглыми глазами цвета голубого жемчуга. Но никогда не мог он забыть ту ночь и то ее безумие, когда маленькая девочка, стоя у кромки бушующего черного леса, ступила в него, будто бы охваченная магическим экстазом. И как светились тогда ее глаза!

А в городе кипела жизнь – молодость, друзья, техникум и развал прежних порядков кругом. В стране тогда начиналась новая эпоха. Всюду беспорядок и кипение торопливых будней. Несмотря на несносный характер, Влад был умен. После стольких лет в деревне ему хотелось разом познать все прелести городской жизни и в этой опасности забыть страхи прошлой.

– Как, напomini, тебя?

– Влад.

– В пристяж метишь? Ну, зеленый еще. Мужики, возьмём к своим? Откуда ты такой взялся, а, Влад? Еще и патлы, погляди, какие – эту гадость ты обстреги. Город знаешь? Мы с металлурговскими. Там весь блат сидит, кто по нашей части.

– Сколько выручка?

– Не так вопрос располагаешь.

– Сколько в общак кладем?

Среди присутствующих пронесся одобрительный смешок. Бандит растянул на толстом лице одобрительную улыбку:

– Соображаешь. Только выше губу не раскатывай, мы здесь не главные. Хочешь денег, работай с нами. Пока в пехоту пойдешь. Не будешь стучать – сработаемся, – он протянул руку для рукопожатия. – Я – Лукьяныч.

В его улыбке не хватало нескольких зубов, лысину обрамляли остатки рыжих волос. Банда Лукьяныча считалась одной из самых незначительных – старый толстяк только строил из себя авторитет, а на деле совсем не умел руководить и во всем старался добыть только денег в собственный карман да безопаснее устроиться в схеме. Лукьяныч, конечно, много рисовался, но от недостатка шестерок взял к себе даже молодого деревенского пацана.

Влад уверенно ответил на крепкое рукопожатие:

– Сработаемся.

Хороший знакомый из общежития связал его с бандитами. Понятиям Влад научился быстро – в деревне он знал одного престарелого сидельца и, бывало, забегал к нему поболтать из одного только любопытства. Общение с криминалом не вызывало у него страха.

В банде Влад был самый младший – на момент первого знакомства с Лукьянычем ему не было даже восемнадцати лет. Лукьяныч в свою очередь, хоть и выглядел весьма закоренелым стариком, оказался старше новичка всего на семь лет.

Долго в «пехоте» Влад не продержался – вопреки всеобщим ожиданиям, скоро в его руки перешло распоряжение финансами и общаком. Когда-то озорное детское любопытство с годами переросло в изощренную хитрость и осмотрительность, что не раз спасало общее дело от налетов милиции. Прикрываясь своим официальным статусом студента юридического факультета, Влад разыскал выгодные точки «сбыта и обнала» не только на территории прежнего влияния Лукьяныча, но и за ее пределами. Через полгода Лукьяныча знали уже во всех соседних районах. Однако вместе с деньгами и славой в воровском мире приходили конкуренты, желающие устранить растущий авторитет металлурговских.

Дела когда-то незначительной банды пошли в гору. Проблем было много – Влад разрывался между учебой и «бизнесом», и в конце концов совершенно забросил техникум, направив все силы на познание подпольного мира. Он придумал набирать к «своим» совсем мелких пацанов из местных группировок неблагополучных подростков. Банда Лукьяныча часто собиралась в кафе Игерман, где не раз сталкивалась со своими куда более влиятельными недоброжелателями. В новой жизни Влад впервые своими глазами повидал и насилие, и смерть, и абсолютную нечеловеческую жестокость.

Своей рукой он нарисовал на карте города точки основных ударов. Несколько раз оказался замешан в поджоге милицейских квартир. Совсем недавно вышедши из шестерок, уже через полгода сопровождал Лукьяныча на сходке авторитетов. Там его впервые увидели и запомнили важные лица криминальной власти. Влад выделялся среди бывалых бандитов – конечно, он любил похвастаться, одевался соответствующе, но весь наигранный фарс нелепо висел на высоком и тонком пареньке, особенно в сравнении с упитанным и низкорослым Лукьянычем.

Через год они готовились взять в свои руки центр города. Несколько раз соседствующие бандиты пытались переманить Влада к себе, другие принимали попытки «загасить» неудобный кадр. Конечно, уже порядком известный в узких кругах Лукьяныч не решался вслух признать, что за всеми его делами стоит молодой студент ПТУ.

– По красоте работаешь, – сказал он однажды Владу, когда рэкетеры вышли на точку, оставив их наедине в старой «пятерке» с заглушенным мотором.

Кругом было тихо, и скрипели только узкие сиденья автомобиля. За окном хлопьями валил первый снег. Влад был задумчив. В ногах у него лежала приличная сумма денег, но все ему казалось мало. Влад работал без отдыха.

– Бежишь только все время куда-то, – Лукьяныч продолжал вдохновенно вещать свои мудрости. – Будто всегда у тебя кто-то на хвосте. Куда бежать? Менты-то с неба не падают.

– А зачем останавливаться? Скоро Центр под нами будет ходить.

– Борзый, – заскрежетал хриплый прокуренный смех. – Далек пойдешь, если не загасят молодым.

Лукьяныч сидел на переднем сидении, всматриваясь в лобовое стекло, медленно покрывающееся густым слоем снега.

Что-то лязгнуло. И вот уже холодная рука протиснулась с заднего сиденья и металлической хваткой вцепилась в толстую шею. Лукьяныч успел только опомниться, когда совсем не дружелюбный голос прошипел на ухо:

– Мы возьмем Центр. Дашь заднюю – тебе же хуже. Я не остановлюсь.

– Ты совсем попутал? – взвизгнул Лукьяныч. – Ты что себе позволяешь? От мамки вчера отбил, а уже мне тут грозишься?

Он забился на месте. Вновь лязг и скрежет. Лукьяныч быстро узнал этот лязг – новообретенный обрез.

– Я могу уйти, – продолжал Влад. – Но без меня тебе вспорют живот. Или на зону. Хочешь на зону? Вся ментовская сетка на мне. Хочешь оставаться на плаву – играешь по моим правилам. Среди своих ты теряешь авторитет. Наши пацаны понимают, кто на самом деле делами рулит. Можешь продолжать строить из себя главного, но банда все равно моя. Рассуди – я знаю все твои крючки. Тебе куда выгоднее не конфликтовать со мной.

– А...

– С денег процент твой. Дела – мне.

– Только без борзости, – уступчиво затянул Лукьяныч. Характером он был слаб, но до последнего не хотел показывать этого перед недавней «пешкой».

Хоть рыжий толстяк и продолжал внешне оставаться лидером, дела фактически перешли к Владу. Все это ощущали, но никто не решался озвучить.

Влад уверенно растил авторитет в краях преступного мира. Решимость и совсем неожиданная в нем жестокость сделали свое дело. Скоро имя Лукьяныча стало второстепенным в тени малолетнего «Адвоката». Исправив дисциплину, Влад поправил дела всей банды. При Лукьяныче многие позволяли себе уваливать от понятий, но теперь все знали, что перед Адвокатом можно заплатить только головой.

Жить такой жизнью было страшно. Постоянно приходилось утаивать свой настоящий возраст. Много требовалось скрывать, прятаться в тенях и подворотнях. Временами Влад слушал по родной деревне, но каждый раз вместе с милыми школьными воспоминаниями невольно вспоминался и родной дом, и опустевшая соседская изба, и черный лес, неугомонно бушующий по ночам. Влад старался не думать об этом. Но чем рискованнее становились вылазки, тем чаще душу нагнетали воспоминания.

Новая ОПГ обосновалась в городе. Требовалось объяснить, кто здесь главный. Собрали рэкетиров и выехали на квартиру. Вечер – холодно. Из рта клубится дым. Монтировками отжимают входную дверь. У ребят в руках все, что попадется – от самодельных кастетов до обрезов. Слышно только шумное дыхание новенького рэкетира, для которого эта вылазка была первой.

Влад обнаружил себя с металлическим светильником в руке. Комната была разгромлена. Человек перед ним почти полз по грязному ковру, но Влад его не отпускал. Словно в забытии. Из коротко остриженной головы вытекала кровь. На руках была кровь – почти черная. Глаза Влада светились. Лукьяныч вцепился в его локти:

– Добьешь – нам хуже будет! Мы все сделали – уходим.

Толстяка он не слушал. Остановить себя в ту минуту было невозможно. Жаркий запах крови – и иступленное желание большего, большей власти над почерневшей душой.

В машине Влад не мог вспомнить, убил он того человека или нет. Это убийство грозило бы им проблемами. Требовалось только припугнуть. Перед глазами стояла картина разможенного черепа.

– Снова мертвяк, – как во сне проговорил он.

– Да не мертвый он остался, – отмахнулся один из банды. Это был тот самый новичок, ровесник Влада – как оказалось, еще более жестокий на расправы, но совсем не жадный до власти.

– Ты чего такой веселый, Афоня? – скрежетнул Лукьяныч.

– Так все ровно же прошло! – весело воскликнул рэкетир.

Как сильно человеческая душа способна кричать! Влад наблюдал это постоянно. Как люди, чьи глаза еще вчера светились наглой самоуверенностью, сегодня ползают у ног, выдирают из себя вопли. И все деньги – деньги и авторитет. Ради них они готовы так рисковать. И он – такой же.

Неспособный к сочувствию. Влад хотел все по-другому, но все как-то не выходило. Азарт и желание заполучить больше, съесть любого, только бы иметь власть над ним – они мешали

ему стать человеком, которым он хотел быть. Все кругом слишком стремительно и безумно. Годы в этом безумии пролетали незаметно.

– Едем в Петербург, – объявил Влад после очередного дела.

– Зачем еще? – засомневались остальные.

– Эта дыра себя исчерпала, здесь больше нечего ловить. Едем в Петербург. Там вернутся настоящие деньги.

Перед отъездом Влад наспех черкнул письмо к матери и отправил смятый конверт в родную деревню.

Поезд отправлялся через десять минут. На перроне было холодно, земля скрипела под тонкой коркой льда и подтаявшего снега. Влад прикурил от зажигалки Лукьяныча и жадно вдохнул дым. Стояли втроем – Влад, Лукьяныч и Афоня. Ехать в Петербург решили далеко не все, и вместе с отъездом ряды банды заметно обеднели. Вечерний перрон был безлюден. Многие уже вошли в поезд, и вместо людских голосов кругом стучали только колеса поездов дальнего следования.

– Все сказочки травишь, – стрекотал смехом Лукьяныч.

Отношения между ними давно переросли в панибратские. Трусливый Лукьяныч выбрал безопасную стратегию – держаться в тени напарника, который разрушительной силой летел вперед по криминальным сводкам.

– Не мороси, – шутливо огрызнулся на него Влад. – Так вот, язычники. У нас в деревне много сказок про них травили. Мол, сидят где-то в лесах еще дикие удмуртские язычники, которые крещению не поддались и от революции скрылись. Детям-то, конечно, это все как байки с волшебниками давалось, а на деле-то, на деле – лес тот и вправду огромный. А что там – никто не знает... даже люди там пропадали.

– Лес как лес, – кряхтел рыжий толстяк.

– Ну и сказки у вас были, – Афоня с интересом участвовал в разговоре. Несмотря на совсем небольшую разницу в возрасте, он считал Влада старшим и куда более опытным товарищем. – А у нас в городе такого не было.

– То-то вам и не понять, – засмеялся Влад. – Вон, старый пес только смеется надо мной.

– Ну а какой еще вор мне сказку расскажет! – подхватил Лукьяныч. – Ты, наверное, и жмуриков убаюкиваешь, когда Афонька их в пакет заматывает.

– Скучно с тобой, Лукьяныч. Вон, Афонька хоть новая душа. Молодняк.

– Не сильно он тебя моложе.

– Зато талантливый какой до шантажа и крепкого удара. Азартный расчет миром правит. А пойдет-то далеко! Вон, погляди, как улыбается. Далеко пойдешь, Афанасий?

– Пойду, – Афоня смутился от их подстреканий.

Молодой рэкетир очень веселил Влада. Всегда улыбчивый и веселый, Афоня совсем не походил на человека, способного без малейшего содрогания руки замотать в пакет мертвое тело, забитое им же полчаса назад. Он был совсем мальчик – светленький и легкий на подъем, любил покутить и ко всем в банде обращался на «вы». Влад посмеивался над ним, но про себя быстро рассудил – такого надо поскорее к себе приближать. Если Лукьяныч не предаст из страха и алчного желания заполучить побольше денег, то этот будет предан по одной только простоте души.

– Странный ты человек, Афоня, – Влад добродушно хлопнул его по плечу. – Выглядишь совсем школьником. Как тебя в эти дела-то занесло?

– Да так же, как и вас. От веселой жизни.

– И терять тебе нечего?

– Совсем нечего. Так вы допытываетесь до меня, что смешно становится. Если сдружится-сработается – вот и хорошо будет.

– Вот и хорошо будет, – вкрадчиво вторил ему Влад.

В плацкарте заждались остальные. Влад не торопился – напоследок хотелось подольше подышать морозным воздухом родных краев.

Глава 4. Избранный

I

Южстолэзь, 20 день от первого солнца, 94 год.

Волхвы проводили особые обряды в ночь перед началом дня искупления. Так было принято – проводить обряды ночью. Луна считалась сильнейшим проводником в мир духов. Под открытым небом, при серебряном свете – ритуальные танцы у главного идола, негромкая музыка кругом стен святилища, внутри которого более просвещенные – старые волхвы – завершают свой секретный обряд. Среди старейших мудрецов служил и сам Верховный Жрец.

Под окном насвистывали струны древнего инструмента. Тонкие звуки эхом пробивались сквозь слюду, и в каждом струнном ударе рассеивался мягкий запах весны, еще непривычный после беспощадно затянувшейся зимы. Вельф стоял в кругу волхвов. По рукам его, плотно сложенным ладонями друг к другу, разливались струи черных одежд. Тишину обряда нарушал только шорох тяжелых тканей о половицы. Все стояли неподвижно – соблюдалось таинство молчания после молитвы. Каждый волхв верил в свой дар слышать голоса предков в эту священную минуту тишины, искусственно созданную десятком таких же волхвов единого круга. Каждый из мудрецов мысленно отпускал все мирское и ступал душой в Верхний мир – мог слышать волю духов, говорить с ней, благоговейно внимать ей одной. Не все, конечно, в действительности что-то слышали или сознавали некую волю в своем разуме, но все без исключения убеждали и остальных волхвов, и жителей Тишины, и себя, конечно, в том, что непременно что-то слышали и что-то особенное сознавали. Нечто ведь должно заключаться в этой тишине, во тьме вековечного таинства и в молчании – не может это все быть просто так.

Казалось, вот еще совсем немного, маленький шаг, маленький взгляд и еще одно маленькое усилие воли – и тогда непременно получится в полной мере отринуть разум, постичь тайну истины так же верно, как сделал это Верховный Жрец.

– Благословляю вас, – кончился обряд, и Вельф заговорил своим глуховатым голосом, почти шепотом, – благословляю вас на благополучное проведение завтрашнего праздника и благословляю с вами весь народ Тишины. На этом наш обряд окончен.

Он кивнул с лицом человека, все про всех уже знающего и вполне этим знанием довольного. Угловатые и грубые черты этого лица тонкой линией разрешила одобрительная улыбка. При виде нее все волхвы становились тоже отчего-то радостными и перенимали непоколебимую уверенность Жреца в торжестве завтрашнего дня искупления и вообще всего учения Тишины, уже сотню лет сохраняющего равновесие всего народа. От взгляда на этого человека у каждого, будь то волхв или обычный охотник, так или иначе происходил необъяснимый внутренний прилив уверенности – и оттого вдруг становилось очень радостно.

Вельф черной тенью проходил мимо остальных служащих, обходил ряды волхвов на полянах, благосклонно кивая перед теми, чьи взгляды сталкивались с ним. Едва получив мгновение его внимания, волхвы тут же начинали светиться радостным воодушевлением, а Вельф тем временем быстро шел дальше по мокрому снегу, педантично подбирая длинные волны черного одеяния – уж очень на улице было холодно и мокро.

Наконец – спасение от бесконечных обрядов – затопленная печь и возможность отдохнуть вдалеке от глупых взглядов, искрящих фанатичной преданностью. Вельф жил в крупном двухэтажном доме с резьбой на окнах и громадным представительным крыльцом при входе. Обитель эта и звалась в народе хоромами. Некоторые, кому Жрец доверял особливо, допускались внутрь, но гостить дозволялось лишь на первом этаже в специально отведенных комнатах, в то время как все остальные помещения считались недопустимыми для глаз человека. Там у Вельфа все было устроено по-своему. Там был его дом. Во всей Тишине он один имел право

находится наедине с собой, чтобы «постигать таинство истины». А первостепенным средством постижения является умиротворение и безмолвие.

Вельф задумчиво перебирал пальцами по столешнице. Одними ночными службами его работа не заканчивалась. Неприятная обязанность неизменно напоминала о себе каждые три года.

II

С самого рассвета во всех округах гудели праздничные песни. В коридоре, на улице, на верхнем этаже – отовсюду слышался топот множества босых ног и взбудораженные оклики детей. Первым, что увидел Федор после пробуждения, был Арий, сидевший на кровати напротив и что-то тихо рассказывающий остальным. Вокруг него собрался целый кружок – еще не успев сходить на умывание, все слушали рассказ о назначении весеннего равноденствия. Только Дион все еще крепко спал в дальнем углу комнаты – ни песни, ни разговоры не могли разбудить его раньше положенного времени. Не поднимая головы с подушки, Федор прислушался к голосу Ария:

– ...создав единство Тишины, первый Верховный Жрец, Инмар, обратился к голосам духов. Тогда еще он был человек. В те годы наш мир был беззащитен пред внешними врагами – красными демонами. Инмар не желал глядеть на то, как проливается в этой борьбе кровь его людей, как бедствуют земли и живет в голоде и страхе народ Тишины, и потому искал защиты древних духов леса. То было непросто – духи крепко спали и не слышали Инмара. Они были далеки от людей, озлоблены на мир за столетия гонений, что причиняли им неверные, ага. И тогда взошел Инмар на крутизну и обратился к голосам их вновь. Он клялся в преданности, просил отвернуться навсегда от неверных, но снизойти до праведного народа Тишины. В подтверждение веры им Инмар принес в жертву свое человеческое начало – с той минуты он и стал Верховным Жрецом – тем существом, что близко к духам более, чем может быть близок человек. Луна окутала его своими крыльями, и тогда Инмар стал первым, кто мог заговорить на ее языке. Его тело оставалось земным, в то время как душа отринула все земное и стала близка к миру Верхнему, и не было для нее пути назад к праздным искушениям и человеческим радостям. Такова ноша каждого Жреца, ага. И тогда предки открыли ему свою истину – ведь он был уже не человек, а Жрец. Он стал посланником и рабом их воли взамен на благосклонность к народу Тишины. С того дня, названного потом днем весеннего равноденствия, боги сделались нам друзьями и покровителями, даровали нам землю, что кормит нас. И потому каждые три года в день весеннего равноденствия мы воздаем нашим покровителям свою благодарность в виде избранных посланцев, что отправляются в Верхний мир с дарами, каждые три года повторяя жертву Инмара в трехкратном размере.

В коридоре раздался топот.

– Вы чаго, спите исшо? – Агния влетела в комнату, осветив полусонное пространство звонком колокольчика. Она уже была красиво, по-праздничному, одета в платье с красной юбкой, расшитой затейливыми орнаментами, а непослушные волосы ее были заплетены в две тонкие черные косички. На шее сверкало крупное украшение из серебристых монеток. Лицо Агнии светилось, и смех просвистывал сквозь широкую улыбку.

– Дион, подъем! – она резко прыгнула на кровать Диона. – Мы с Евой были в кухонном домике, там такое готовя!

От Агнии пахло горячим тестом, и запах этот, разлитый по комнате, заставил все вокруг оживиться в веселой утренней суете.

– Что там готовят? – нехотя протянул Дион.

– Перепечи, – прозвенела Агния, – праздник же большой.

– Перепечи?! – Дион выскочил из своего убежища, мигом позабыв и про холод, и про шум.

III

Весеннее равноденствие праздновалось с самого рассвета и до захода солнца. С завтрака до обеда во всех округах распевали песни, плели венки из подснежников и весенников, водили хороводы и играли в игры на счастье. После праздничного обеда, такого же, как и все в этот день – непривычно шумного и пышного, жители собирались в первом округе, близ хором Верховного Жреца, где все уже было подготовлено перед обрядовой частью великого дня.

И вновь толпа вокруг, и люди повсюду, пестрят перед глазами цветы в венках, голоса, шепот, блеск множества глаз и томительное ожидание. Перед крыльцом хором оставалась небольшая поляна, и сотни взглядов были обращены на нее в ожидании выхода Жреца. Дион и Федор стояли в окружении друзей в той части, где отводилось место для жителей четвертого округа. По правую сторону от них гудела оживленными разговорами толпа жителей третьего – румяные юноши и девушки в венках то и дело переговаривались с детьми, с большим участием помогали настоятелям развлекать их в ожидании начала обряда. Некоторые заговаривали с Евой, а та лишь смущенно кивала им в ответ.

– Чрез годик к нам, Ева? – улыбалась невысокая девушка из третьего округа, одетая в красивый праздничный сарафан.

– Верно, – отвечала Ева с вежливой улыбкой.

– Мы тебя всему научим, – из толпы выглянула другая девушка, – вот урожай-то будет! Духи земель с тобой удачу принесут в наш округ. А гадать научишь нас в русалочью ночь? Тот то скучно, тебе, поди, в четвертом.

Ева вновь и вновь кивала и смущенно отводила глаза. Наконец расспросы прекратились. Вельф вскинул руки, приветствуя сотни радостных голосов. Голову его украшал медный венец, из которого прорастали изящные ветвистые иглы – то был венец первого Верховного Жреца, передаваемый сквозь поколения каждому новому наследнику.

Началась обрядовая часть праздника. Вельф остановился на верхних ступенях – так каждый мог наблюдать его, возвышенного над всеми остальными хранителя истины. Чем крупнее обряд, чем больше людей служат в его исполнении, тем сильнее становится его чудотворная сила – все жители Тишины одновременно, внимая действиям Жреца, сомкнули у груди руки и закрыли глаза. Таинство единения было пущено.

Самые сильные обряды – праздничные и массовые. Принято было отдавать свой разум и свое чувство природе, вместе с ней молчать несколько минут и слышать, как молчат другие. Подобное действо – молчание – было важнейшей частью всех обрядов, оно обозначало слияние с Тишиной и самой ее сутью, слияние с собственным разумом и разумом всех сестер и братьев, таким образом представляясь единым верным организмом, состоящим из множества отдельных, связанных между собою частиц. Каждый человек так или иначе отличен от другого. Отличается житель второго округа от жителя третьего, как и малый ребенок отличается от старого аскета. Однако в эту минуту общего молчания, общей тишины – все они становятся одним, частью той природы, что рождает их и забирает их.

Прохладный мартовский воздух – вестник начала года – щекотал лица и, прожженный солнечными лучами, опалял непокрытые головы. Вельф в самом центре – с сомкнутыми руками и закрытыми глазами – читал молитву про себя, читал на языке ветра, и никто не смог бы услышать его голоса в эту минуту. Но каждый слышал его внутри себя.

Резкий хлопок – Жрец разомкнул ладоши и ударил ими друг о друга – все разом открыли глаза. Разом наклонили головы, и солнечные улыбки озарили просветленные лица. Души переполняла благодать.

Раз в три года на время весеннего равноденствия выпадал день искупления. Нынешний год был из таких, особенных. Перед началом плясок пришло время огласить имена избранных. Вельф завел громогласную речь:

– Народ Тишины! Как вы помните, прошлогодний листопад⁵ принес нам скудный урожай. Много невинных душ забрал голодный год. Но мы должны верить в наши светила, мы должны с большей силой крепить нашу веру, чтобы впредь не быть наказуемыми гневом духов. Я говорил с духами в эту ночь. Прошедший год ознаменовался слабостью нашей веры, они разочарованы в вас! – он с особенным жаром ударил на последние слова и, выдержав долгую паузу, продолжил. – Нам следует прикладывать большие усилия в борьбе за благосклонность высших. Благо, сегодняшний день знаменуется искуплением. Выберем же трех посланников, кто впитает в себя всю веру наших сердец и передаст ее в Верхний мир! И да будет так!

Жрец внимательно вглядывался в лица людей перед собой. Глазами искал глаза. Он умел говорить и в продолжение всей своей эксцентричной речи ни на миг не усомнился в своем умении, однако все же что-то колебалось внутри него – хорошо ли вышло это выступление в глазах народа? Опасения оказались напрасны: уже через мгновение толпа загудела одобряющими восклицаниями. Лицо Жреца озарилось торжествующей улыбкой – он и сам не понимал, как минуту назад мог усомниться в преданности этих людей. К тому же минута промедления позволила ему отыскать среди них то, что было нужно.

– Избранных! – свистела толпа.

– Имена!

Вельф молча указывал на избранных. Скоро из первого округа был выбран молодой волхв. Затем к нему присоединилась красивая охотница из второго. Дальше Жрец направился к толпе жителей третьего округа. Выбирал он быстро, с холодным расчетом. Направлял ладонь в сторону того, за кого уцепится взгляд, и тогда человек примыкал к ряду избранных, усыпанный восхищенными взглядами, украшенный церемониальными венками и самый счастливый от того, что сам Жрец обратился к нему и узнал его имя. С каждым новым избранником народ снова и снова вспыхивал бурным ропотом и возгласами одобрения.

Федору становилось не по себе. Кругом все гудело, и от шума кружилась голова. Рядом стояла только Ева, в то время как остальных ребят потоком толпы унесло куда-то вперед. Даже спокойное и робкое дыхание Евы не могло унять внезапного волнения – в одну минуту от всего происходящего торжества Федору стало по-настоящему страшно. Сердце билось, будто за ним несется дикий зверь. Мальчик принялся одними глазами искать брата – где-то впереди, среди множества голов, оставался Дионисий.

Жрец вывел вперед невысокого рыбака из третьего округа:

– Назови свое имя.

Новоизбранный назвал.

– Поздравляю тебя. Ты избран, и да будет так, – Вельф третий раз отчеканил свою привычную условность.

Народ вновь залился радостным свистом. На счастливчика тут же был навешан венок из редкого красного цветка, волхвы отвели его к крыльцу, где стояли остальные.

Оставался только представитель от четвертого округа. На этот раз Вельф не спешил – он медленно подходил к разнородной толпе, состоящей из малых детей и древних стариков. Как правило, в прошлые годы было принято избирать именно старших представителей четвертого. Какое этому было назначение – символическое или вполне практическое, никто не знал, а предположения в народе выдвигались самые разные. В любом случае, все вопросы в Тишине всегда сводились к мысли о непостижимости воли Жреца простым человеческим разумом.

Верховный Жрец что-то искал глазами. Что-то, что то и дело ускользало от него и находилось вновь.

Федор боялся его. Сам не знал, отчего, ведь Жрец – самый приближенный к духам человек, самый чистый душой. Но чем ближе Вельф подбирался к их стороне, тем сильнее коло-

---

⁵ Листопад – сентябрь.

тилось сердце в груди. Одна минута – и он уже совсем близко. Федор не мог оторвать взгляда от просветленного жреческого лица, и на долю секунды ему почудилось, будто это лицо смутилось, будто и оно чего-то боялось. Но только на самое маленькое мгновение. Федор зажмурился и пытался не глядеть, чтобы не волноваться. Это мнимый выбор.

Толпа вновь загудела, Федор услышал вскрик Агнии и неразборчивый шепот Евы, слышал, как выводят избранного из толпы и как голос Вельфа в очередной раз вежливо проговаривает:

- Назови свое имя.
- Дионисий, – отвечал избранный.

Федор резко раскрыл глаза. Совсем рядом с Верховным Жрецом, неуверенно улыбаясь, и, судя по всему, еще не сознавая всей торжественности своего положения, стоял его брат. Где-то позади радостно кричала Агния. Волхвы накинули на Диона венки из красных цветов. Все происходило столь быстро, что Федор не успевал толком сознавать происходящее. Он точно знал, что в эту минуту должен кричать от радости, но радости в себе никак не мог найти. Словно что-то было не так, определенно не так должно было все сложиться, однако кто-то приказал, чтобы было именно так.

Вельф поочередно касался преклоненных голов избранных, благословляя их долю. Он мельком оглядел лицо Диона: большие синие глаза и по-детски радостная улыбка. Незаметно для других Жрец улыбнулся ему в ответ.

Солнце неспешно скрывалось за горизонтом, опалая золотом стену леса, людей и их празднование. Наступало время луны.

Люди в багровых венках – избранные – отправились танцевать с остальными, и во все время праздника их окружало множество людей, все вокруг поздравляли, старались прикоснуться к ним, оставить на них свое приветствие духам, к которым избранные должны были отправиться ночью. Волхвы разливали по глиняным стаканам красный напиток, который было принято пить во время вакханалии весеннего равноденствия.

Агния подбежала к Федору и всучила ему один стакан. Ева и Арий тоже взяли свои.

– Давайте, на раз, два... три! – Агния зажмурила глаза и выпила все разом.

Федор неуверенно коснулся губами напитка – запах напоминал испорченные ягоды, а на вкус он был еще противнее, чем на вид. Кислая горечь, которая неприятно вяжет язык.

Люди вокруг танцевали в хороводах, пели, спотыкались друг о друга, падали и вставали, при этом громко смеясь. Диона утащили в один из хороводов.

На крыльце показались четверо в черных одеждах и расписных деревянных масках – личинах. Под этими личинами скрывались обычные волхвы, но в эту ночь они принимали другой облик, становились символами четырех назначений Тишины – четырех чародеев-основателей и четырех высших стихий. Маски плясали среди остальных, вокруг них образовались хороводы. Одна маска была мордой рыси, на другой сверху крепились олени рога, следующая делилась на две части – с одной стороны морда волка, а с другой – лисицы. Последняя маска изображала бабочку.

С их появлением крики и песни зазвучали еще громче, еще праздничнее и восторженнее. Маски кружились вместе с избранными, разливали красную жидкость с запахом переспелых ягод и подначивали народ танцевать больше и больше.

Подхватив с собой Ария, Агния побежала в тот хоровод, где рядом с маской-бабочкой танцевал Дион. Кружок мигом наполнился звоном ее смеха.

– Ева, – Федор аккуратно коснулся плеча девочки. Было видно – Ева совсем не разделяет всеобщего настроения. Нечто странное мешалось в ней.

– Федор, скажи, Дион больше не вернется к нам?

Голос Евы звучал по-особенному резко и срывался от обиды – всхлипывающие нотки прорывали всегда спокойный лад, а глаза наполнялись слезами. В это мгновение Федору стало

жалко ее даже больше, чем себя. Было невыносимо смотреть на нее – всегда добрую, мягкую и теплую – с покрасневшими глазами и жалостливо опущенными вниз уголками губ. Лишь Ева разделяла то замешательство, от которого обоим им было стыдно, однако от которого никак не получалось избавиться. Они слишком понимали судьбу Диона, чтобы позволить ему познакомиться с жизнью, едва познав ее красоту.

– Большая ошибка энта, – начал быстро лепетать ей Федор, стараясь перекричать пения вокруг. – Не может быть, чтобы избрали его. Должны были избрать кого-нибудь, токмо не его... и не тебя, и не Агнию, и даже не Ария. Не могли они просто так взять и избра-ать его!

Федор не мог объяснить себе это расстройство. Он никогда не оставлял уверенности в том, что невозможно такое обстоятельство, чтобы кто-то посмел разлучить их маленький кружок. Ему казалось, словно все вокруг сознают и должны сознавать, что просто нельзя разлучать их.

С одной стороны, здесь обязана присутствовать радость за брата, ведь это такая честь – быть избранным в день искупления! Однако внутренний бес не переставал шептать о том, что все это ошибка и всего этого не должно случиться. И как Дион сам этого не понимает? В один миг все танцы, обряды, песни, все вокруг перестало иметь всякий смысл и всякую радость – счастливые улыбки стали казаться насмешливыми, злыми, сверкающие глаза и лица стали гореть жутким пламенем, и все вокруг кричало: «Это не то, так не должно быть, теперь ты один, один!» И все вокруг смеялось, кружилось в страстной круговерти и не останавливалось ни на мгновение: «Теперь ты один, один!» Федор ужасно не хотел остаться в одиночестве, и главный страх – потеря брата – предстал перед ним в личине огромного чудовища, необратимого назначения, против которого он, маленькая частица, не может сделать ничего. Жизнь без Диона не представлялась совсем, и паника вмиг охватила Федора, словно бы кто-то пытался отобрать у него не просто самое ценное, но часть его самого, пытался вырвать с корнями часть его собственной души. Дион всегда был рядом, он всегда был большим, чем все остальные, и всегда, сам того не замечая, подталкивал Федора на борьбу с внутренним демоном, который одолевает его всю жизнь, а теперь... Что теперь? Дион уйдет? Нет, определенно нет, надо бежать, бежать...

– Дион, Дион! – Федор выцепил его из хоровода и незаметно отвел в сторону, пока остальные увлеклись танцами с личиной. Глаза Диона светились радостными васильками. – Дион, бежать надо. Не так все энто. Не мог стать избранным ты... Ошибка энто, надо бежать нам.

– Не мог я стать избранным? – повторил Дион, растягивая каждое слово.

– Не о том, не о том я, – быстро подбирал слова Федор, – все, все неправильно. С рассветом ведь уйдешь ты, нельзя, чтобы ушел ты. Разве не видишь ты энтото? Куда поведут избранных? Все не так должно быть, тут какая-то тайна. Плохая тайна. Надо бежать, бежать!

– И что ты предлагаешь? – Дион едва заметно нахмурил брови. Его вполне устраивала роль избранного. – Куда нам бежать?

– В лес, – Федор не замечал его недовольства. – Прoberемcя чрез дыру в заборе у колодца, а там вперед, и выйдем куда-нибудь. Надо бежать, прошу тебя, иначе будет плохое, точно будет плохое.

Будучи в полной уверенности в том, что Дион поддержит эту авантюру, Федор схватил ладонь брата и потянул за собой. Однако Дион резко вырвался:

– Я избранный, Федор, куда я побегу? В лес, к красным демонам? Ты себя слышишь? Мы издохнем в этом лесу уже чрез два дня, ежели нас раньше не поймают демоны! Уверуй же в мою судьбу так, как уверовал в нее Верховный Жрец. Нет у нас ничего дороже судьбы. Почему тебе так сложно поверить в то, что я избран? Разве ты не чувствуешь Тишины? Ты готов предать ее? – он не давал Федору говорить. – Ты думаешь только о себе.

– Готов, Дион, я готов! Не хочу я оставаться один.

– Вот именно! – Дион смягчил голос. Он смотрел на брата словно в зеркало, и видел в хрустальных глазах сверкающие стеклянные капли. – Но ты никогда не будешь один. У тебя есть Агния, Ева, Арий в конце концов, хоть он и дурак. А я буду там, вместе с духами, я смогу говорить с ними, представляешь! Прости мне мое счастье и отпусти меня.

Нижняя губа Федора дрожала. Он не мог сдержать этого. Вокруг все так же разливались огни народного веселья, и все так же насмешливо кружил этот злобный монстр, готовый навсегда забрать его брата. Эта благосклонная воля Тишины.

Федор заплакал, когда Дион обнял его. Не снимая рук с дрожащих плеч Федора, он с улыбкой проговорил:

– Улыбнись мне, Федор. Я запомню это и с этим воспоминанием уйду к Тишине.

Федор с трудом выдавил улыбку. В последний раз Дион видел ее и в последний раз видел мягкие ямочки на щеках, покрасневших от слез. Без всякой надежды на согласие Федор исступленно прошептал:

– Давай убежим, пожа-алуйста. Не оставляй меня здесь.

– Кто же тебя оставляет? – Дион старался смеяться. – Я буду там, в Верхнем мире, и буду глядеть, чтобы у тебя здесь была токмо радость. Я тебе обещаю, я пошлю тебе все, что ты хочешь. Я всех духов уговорю, чтобы твой демон стал тебе другом. Я все сделаю, обещаю.

К ним приблизилась Ева. Дион принялся быстро протирать руками глаза, а Федор даже не пытался скрыть своих слез. Ева слабо улыбалась:

– Я рада за тебя, Дионисий. Ты ведь останешься с нами? – она указала на черную ниточку на запястье.

Дион быстро потряс свою:

– Конечно, Ева.

Она улыбнулась и обняла его. Затем подошли Агния и Арий, тоже прощались. Сумерки светлели, и прощания становились все сердечней – времени оставалось совсем мало. Агния веселила Еву, а та все так же продолжала слабо улыбаться и мало говорить. Лишь спустя день, когда Еве удастся остаться наедине с Федором, она откроет себя истинно – долго проплачет, пока Федор будет молча гладить ее по волосам, едва удерживаясь от того, чтобы не расплакаться самому. Тот вечер станет для него еще одним ударом, а нервные вздрагивания после этого учащаются в два раза.

Однако сейчас, в минуту прощания с Дионом, и Ева, и Федор старались улыбаться и веселиться с остальными. Единственное, чего они хотели теперь – чтобы Дион был счастливым. Даже ворчливый настоятель благословил своего надоедливоего воспитанника перед уходом – старик подошел к Диону и впервые заговорил с ним серьезно, как со взрослым.

– Тебе дарован великий шанс, – морщины на лице Луки срастались в заботливой улыбке, – не посрами Тишину пред предками. А за Федором мы приглядим, не тоскуй об этом.

Когда на горизонте показались первые волны рассвета, пришло время торжественного окончания праздника. Вельф произнес очередную партию напутственных слов и кивком подал волхвам знак о том, что пора заводить избранных в хоромы. Четверо человек в пышных венках выстроились друг за другом, взявшись за руки, и в счастливом предвкушении направились в дом самого Жреца, где их ждали дары для духов и дорога в мир предков. Дион заходил последним. Взойдя на верхнюю ступень крыльца, он оглянулся на друзей и широко улыбнулся.

Дверь за ним закрыл старый волхв, и больше не было слышно ничего из жреческих хором. На следующий день Федор тайком пробрался в первый округ и заглянул в окно первого этажа – в хоромы было пусто.

Книга Вторая – «Полдень. Птицы
возвращаются домой»

Глава 5. Родион

I

20 марта, 2021 год.

Раздражающий свист скользил сквозь ржавый носик чайника. Грязный, почти зеленый от старости чайник успел застать на своем веку, пожалуй, не только развал Советов, но и революцию семнадцатого года. Все вокруг, даже воздух, пропитанный желтой пылью, пахло и пело об этой древней, немой старости студенческого общежития номер три.

По маленькой кухне-коробке разливался неприятный, но вполне привычный запах подогрешенного хлеба, дешевого кофе из пакетика и назойливой весенней жары. После череды холодных дней первые отзвуки тепла обогревали всегда полутемную, пропахшую тараканьей сыростью коробочку кухни.

– Родя!

Высокий юноша у плиты кричал на весь блок, не отвлекаясь при том от процесса отдиранья хлеба от сковороды.

– Не отзывается ведь, – раздраженно пожаловался он первокурснику, тихо сидевшему за столом, и еще громче отчеканил: – Ро-ди-он!

В соседней комнате ни звука.

– Иди, потряси это тело.

Первокурсник совсем недавно переехал в этот блок и еще не привык к местным порядкам, поэтому растерянно взглянул на соседа.

– Он сам вчера просил разбудить к первой паре живым или мертвым, – пояснил сосед и вновь принял попытку перекричать свист чайника, не своим голосом ударяя о каждый слог: – Ро-ди-о-он!

– Чего вы так орете? – заглянул недовольный сосед из смежной комнаты. – Мне к третьей сегодня, дайте поспать.

– Растряси Родьку, все равно проснулся, – последовал раздраженный ответ.

Утро начиналось как обычно.

– Я эту пьянь даже трогать боюсь, он неадекватный, – фыркнул сосед, но все же отправился в комнату Родиона.

Первокурсник наблюдал перепалку с испуганными глазами. Заселившись неделю назад, он все еще не успел лично познакомиться с тем самым виновником утреннего беспорядка – про Родиона много говорили и много шутили, но сам он все последние дни либо где-то пропадал, либо приходил поздно вечером и, не в состоянии даже разговаривать, тут же заваливался спать.

Юноша у плиты – Кирилл – соседствовал с Родионом уже три года, с первого курса. Пожалуй, наличие громадного Кирилла, который никак не мог унять привычку добродушного заступничества, было единственным, что спасало Родиона от постоянных разборок и отчисления. Дружба их сложилась самым странным и противоестественным образом; Кирилл ни разу не назвал своего шумливого соседа «другом», да и никого так откровенно не называл никогда, в то время как Родион мог назвать «другом» почти любого случайного знакомого – он не имел привычки придавать словам особенное значение и относился к ним так же, как ко всему – без разбора и внимания. Однако крепкая, неназываемая привязанность была очевидна между ними уже после первого года общения, являемая далеко не в словах, которыми ни тот, ни другой не умели пользоваться.

Родион был на грани отчисления, однако явных попыток привести свои дела в порядок не принимал. Но ему вполне нравилось жить в общежитии, где то и дело случались какие-нибудь сумасшедшие, приятные и неприятные казусы, разборы, интриги. На вопрос, почему Родион не съезжает, хотя у него имеется квартира от государства, тот лишь отшучивался:

«Я к общаге привык, это моя естественная среда обитания». О настоящей причине знал лишь Кирилл – в пустых помещениях приступы тревожности у Родиона обострялись до той болезненной степени, в которой он был способен грызть себя, прекрасно при том зная, что от этого все равно не прекратится невыносимое жужжание в голове.

Едва Кирилл набрал в грудь воздуха, чтобы вновь закричать, как в коридоре раздалось тяжелое шарканье шагов.

– Заткнись ради всего святого, – Родион ввалился в комнату, собирая спутанные волосы в невысокий хвост, и упал на стул напротив первокурсника, скрывавшего неуверенность за притворным интересом в новостной ленте телефона. В отличие от Кирилла, новый сосед совсем не умел предугадать характер Родиона.

– Чайник кипел? Загрузи по-братски чай с сахарочком. – Родион щурился от света и громко сопел носом в попытках отделаться от тошнотворной сонливости.

– Родя, тебе двадцать два года, ты уже старик, а пьешь как подросток, – проворчал Кирилл, мельком взглянув на настенные часы, покрытые толстой коркой пыли.

– Право имею, – отшутился Родион. – Не вам, молодежь, меня учить.

– Молодежь хотя бы школу с первого раза закончила.

– Завязывай мне этим тыкать!

По своему обыкновению к середине марта Родион уходил на все возможные и невозможные пьянствования и не упускал ни одного повода отвлечься от учебы – в борьбе перед соблазнами вера в непоколебимую стойкость собственного организма каждый раз побеждала давно притихший голос совести. Из-под тонкой кожи на щеках вместо румянца проступали синие полосы, а в правом крыле носа блестело серебряное колечко. Родион ходил и спал в одной и той же футболке (которая когда-то принадлежала Кириллу), колючие волосы его опускались до самых плеч, лезли в глаза и мешались, и стрижкой своей, как и всем внешним видом, он не особенно занимался. Одна лишь приметная деталь в портрете Родиона никак не вязалась со всем этим нескладным, неряшливым видом – всегда живые и сверкающие глаза. Если бы огонь можно было окрасить в синий цвет, то это был бы именно тот цвет, что пылал в его глазах – огненный синий.

– Тебе сегодня к научнику бы сходить, – напомнил Кирилл, поставив на стол граненый стакан с крепким чаем.

Родион в очередной раз устало протер рукой лицо и что-то неразборчиво прохрипел, опускаясь головой к столешнице.

– ...а какое сегодня число?

– Двадцатое, – проговорил первокурсник.

– Двадцатое? – Родион резко поднял голову. – Праздник.

– День твоего похмелья? – Кирилл сел за стол.

– Да кто его знает, – Родион усмехнулся какой-то собственной мысли, – хорошо, что не день моей смерти.

До начала первой пары оставалось двадцать минут. С кухни никто не спешил уходить. Кирилл сонно ковырялся вилкой в тарелке, Родион доедал украденный из холодильника йогурт, а первокурсник все так же лениво листал новостную ленту. Говорили о чем-то сбивчиво и неспешно: об учебе, о новом преподавателе на юридическом и о грядущей тусовке в квартире какой-то едва ли знакомой девушки с потока.

– Ты пойдешь? – поинтересовался Родион у друга. – Я точно пойду. Там будет много водки и тьма народу.

– Не заинтриговал, – все так же сонно бросил Кирилл. – Я уже устал пить, а тем более с тобой. Дома посижу.

Спустя несколько минут Родион нехотя поднялся со своего места и порылся в навесном шкафу в поисках таблеток. Потом он еще недолго посидел на кухне – выходить на уличный холод совсем не хотелось, а противная тошнота в груди не проходила.

– Что там, новости какие? – обратился он к первокурснику, чтобы хоть как-нибудь разнообразить разговор.

– Ничего интересного. Коронавирусные ограничения снимают во многих регионах, недавно в центральном районе случился пожар... О, кстати, вы слышали, что у Бекхэма синдром Туретта? Я вот сейчас интервью читаю.

– Слышал, – кивнул Кирилл.

– Что это такое? – не понял Родион.

– Что? Синдром Туретта?

– Да.

– Ты не знаешь? – за годы вместе Кирилл уже устал удивляться инопланетности своего чудаковатого друга. – Это такая болезнь врожденная, когда у человека случаются нервные тики постоянно, и он их никак не контролирует, совсем. Кто-то гадости выкрикивает, кто-то просто странные звуки говорить может. Хотя говорят, сейчас лечат. За большие бабки, наверное, но лечат. А так люди с этим живут.

Родион странно поглядел на него:

– Нервные тики – это как?

– Ну это по-всякому... Они разные бывают. Может у человека бровь дергаться, может голова, руки. Чего ты на меня так смотришь? Я не врач, я не знаю.

– Ты правда никогда не слышал? – наивно удивился первокурсник.

Родион не ответил ему. Он продолжал странно и задумчиво глядеть на Кирилла, словно видел на его месте призрак.

– Ты чего? – тот прищурился. Он знал и ужасно не любил этот взгляд.

– Мне кажется, что я видел такое у моего брата, – произнес Родион не своим голосом.

Кирилл обреченно вздохнул, вновь взглянул на часы и хотел было что-то сказать, чтобы перевести тему, однако первокурсник перебил его, обратившись к Родиону:

– У тебя есть брат? А почему ты не живешь с ним, а здесь?

– Не местный, – процедил Кирилл с выражением, сообщающим о том, что эту тему пора закрыть. – Родя, у тебя через десять минут пара начинается, ты долго здесь еще сидеть будешь?

Родион подскочил с места. Он и сам сожалел, что случайно выпалил эту фразу – Кирилл смотрел на него как на помешанного.

– Что такое? – обратился первокурсник к Кириллу, когда странноватый сосед наконец хлопнул входной дверью.

– Не надо с ним про семью разговаривать. Он у нас такой... ну, ты видел. Он детдомовский, больная тема, сам понимаешь. Видел же – на таблетках сидит человек. А все от этого, – Кирилл постучал указательным пальцем у виска. – И про Бога с ним не надо. Мне кажется, у его родителей какие-то проблемы с этим делом были. Сектанты, наверное, или фанатики. Он сам мне ничего особенно-то не рассказывает, но, бывало, напивались на первых курсах, так он пробалтывался. Сам не помнит, что там к чему. Говорит, в одиннадцать лет что-то произошло, удар какой-то, а потом в детдоме уже рос. Про свое детство только ужасы какие-то вспоминает, говорит, брат у него был с демонами в голове. Ну, понимаешь, в общем – там муть какая-то. С ним потом еще несколько лет врач работал, и я, если честно, больше этому врачу верю, чем Роде. У Роди-то воспоминания попутанные, а у мозгоправа взгляд профессиональный. Так вот, врач ему говорил, мол, он все эти сказки себе придумал, и брата тоже выдумал, а на деле родители сектантами были, может принимали чего... Вот у него на фоне потрясения мозг выдумал всякие истории красивые, а сейчас забыть пытается. Мы ему сколько не твердили с пацанами, что не могло быть никакого брата, он все затирает, что точно помнит его и даже

лицо его помнит. А сейчас вон что придумал... Туретта, говорит. Ты внимания не обращай на его заскоки, а темы эти обходи, у Родьки итак под весну депрессняк включается.

II

Кирилл хорошо знал своего соседа и верно помнил, что с середины марта болезненные для Родиона темы поднимать было нельзя ни при каких обстоятельствах. Именно в середине марта всегдашняя тревожность его обострялась до крайности, а желание вырвать из головы воспоминания возрастало.

Ведь это лишь сон, все вокруг говорили, что сон, что ему просто не повезло с семьей, но теперь все позади, теперь этот сон нужно просто оставить в прошлом. Он и сам верил, что все воспоминания из другого мира – сон.

Однако после двадцати лет с каждой попыткой забыть воспоминания ударили с новой силой – лица, радостные лица, венки, танцы, костры. И последняя улыбка брата – того самого брата, что с раннего детства страдал от своей одержимости, которая, оказывается, никакой одержимостью не была. Просто они об этом не знали. Как они могли знать о подобных болезнях в своей маленькой, закрытой Тишине?

Тишина. Особенное слово – Родион это знал. Он это совершенно точно помнил.

Ступать по улице было тяжело – ранней весной всюду грязь и слякоть. Родион смотрел перед собой, но не мог видеть совсем ничего, пока в наушниках громко играла музыка, а в голове вновь и вновь всплывали картины того дня. Было ли это в действительности или просто сон? Он уже не понимал – волшебные сны, напоминающие впечатления от прочитанной в детстве книжки, порой становились настолько реалистичными, настолько сильно внутри них корбило чувство, которое не просыпается с такой силой даже в реальности, что Родион, несмотря на полную уверенность в нескладности собственного рассудка, был готов поверить в эту сказку, броситься в нее с головой, чтобы наконец докопаться до истинной сути, произрастающей из куда более сложных моралей, чем обычная детская выдумка. Хотел, но боялся уцепиться за мысли о ней, ведь каждый раз эти мысли притягивали за собой до ужаса реалистичные воспоминания.

Родион вдруг достал руку из теплого кармана куртки и, отодвинув рукав, взглянул на запястье. Истонченная черная нить слабо болталась на руке – нет, не сон.

«Черная нить, ее кто-то подарил, и это совершенно точно было, я не придумал, – успокаивал себя Родион, – у всех она была, и у Федора... Точно, Федор».

Он все время забывал их имена и все время напоминал их себе, хватался за эту маленькую черную нить, едва ли способную удержать ослабевшую память. Быть может, Родион боялся вспомнить полностью. Что-то внутри тихо одергивало всякие стремления к прошлому – если это все правда, если это не плод больного воображения, значит, они все там. Один смог спастись, остальные – нет.

Уж лучше поверить в то, что это выдумка, чем в то, что где-то существуют люди, сконструированные страшной верой в несуществующих духов. В то, что где-то все еще живет его брат, его часть. Быть может, не просто тревожность скребется в груди каждую весну – что, если кто-то зовет его? Ведь весна – время, когда Тишина обретает немислимую силу. Время, когда сотни песен сплетаются в один голос, для которого не надо слов – достаточно одного лишь чувства, одной лишь связи, за которую можно потянуть.

Отравить себя весельем не удавалось – Родион пытался отвлечься. Ничего не помогало спрятаться от жуткого монстра, обладающего, казалось, когтями в несколько метров длиной, что были способны скрежетать изнутри, резаться и выгрызать тревогу в груди.

III

– Родя явился!

В дверях Родиона встретили однокурсники, лица которых он едва ли помнил. Стекланные глаза людей вокруг сами говорили о количестве выпитого алкоголя.

– Родион прибыл, – засмеялся он, пританцовывая в такт громкой музыке. Резкие звуки разрывали не только квартиру, набитую студентами, но и половину всего дома.

Единственным источником освещения служили яркие светодиодные ленты под самым потолком. С открытого балкона бил сквозняк, по воздуху разносился запах спирта и табачного дыма. Музыка на полной громкости вырывалась из колонок, и Родя еще до первого стакана не мог разобрать, кого здесь он знает, а кого нет – лица мешались перед глазами в сумасшедшем хороводе.

Уже спустя двадцать минут Родион забыл все утренние тревоги и с темными очками в виде двух звезд на носу плясал под руку с незнакомой девушкой и очередным стаканом спиртного в руке.

– Ты с какого?.. – кричала она. Половину слов уносила музыка.

– Юрфак, – Родион весело кричал ей в ответ, свободной рукой оправляя волосы, падающие на лицо.

Она тоже смеялась, то и дело ныряла в толпу, затем появлялась вновь. Родиону с трудом удавалось запомнить ее лицо – оно растворялось перед ним в бесконечном шуме, в мигающих огнях светодиодной ленты, ускользало, пряталось в суеде танцев и блестело стеклянными глазами.

– С кем, говоришь, познакомилась? – пока Родион потерялся на балконе, его уже активно обсуждала компания первокурсниц, в число которых входила и новая знакомая.

– Родя с юрфака? – подхватила другая подруга и резко залилась смехом. – Нет, это плохой экспонат.

– Почему?

– У него с головой что-то, не впутывайся.

Тем временем Родион разговорился с компанией на балконе. Промерзший дым окутывал застекленный балкон с двумя открытыми форточками. Несмотря на холод, люди сидели в одних футболках, а некоторые и вовсе лежали. Разговоры здесь шли совсем иные, нежели в жарком помещении – говорили обо всем и ни о чем одновременно, порой нить мысли терялась, подхватывалась кем-то другим, сливалась с тихим смехом. Смехом, ни к чему не присущем, смехом о том, что все мы сейчас здесь, что где-то за балконом шумит серьезный и злой мир, а мы здесь, и нам нет дела до всего, что за пределами этого тихого, бессмысленного разговора.

Едва Родион успел перехватить у кого-то недопитую банку пива, к нему обратился очередной незнакомец:

– Будешь курить?

К тому моменту мысли Родиона были уже совсем скручены, и даже слов он разобрать толком не мог, вместо этого видел лишь трубочку бумаги в протянутой руке и затуманенный взгляд.

– Что это?

– Первая бесплатно, дарю. – сквозь дым повторял чей-то голос.

Не разбирая происходящего, Родя принял из его рук трубочку и зажал ее зубами.

После первой затяжки на губах запестрел странный вкус. Кто-то громко смеялся рядом, кто-то открыл нараспашку форточку и высунулся с головой. Родион наблюдал все это словно во сне. Разбираться с происходящим совсем не хотелось – шум, музыка, смех, крики, звон бутылок – все проходило мимо него и сквозь него, по всему телу разливалась уже привычная тяжесть опьянения, доходившая от груди до самых кончиков пальцев. Докурив, Родион еще какое-то время просидел на холодном полу балкона – он не знал, сколько времени прошло, и ждал, когда тяжесть в голове спадет, чтобы снова отправиться в помещение.

Однако тяжесть не сходила – голова лишь наполнялась колючим пухом, а по телу пробегала дрожь. Совсем не привычная дрожь – не от холода и не от опьянения, унять ее никак не удавалось.

Хлопнула дверь балкона. Кто-то вновь входил и выходил.

Незнакомые люди, дым, шум – Родион безучастно наблюдал за окружающими – дым, шум, люди, огонь. Спустя минуту после его первой осознанной мысли дрожь начала усиливаться и разливаться неконтролируемым напором, а в голове лишь: шум, дым, огонь... голоса, песни, тишина.

В один миг осознанность начала выходить из-под контроля, нить мысли закручивалась, передергивалась и рвалась. Родион медленно поднялся и тут же весь затрясся – он впервые не понимал совсем, что происходит, в голове все мешалось: музыка, огонь, темнота, цветы.

«Цветы? – метнулась мысль. – Какие цветы? – и тут же его голос ответил. – Красные. Венки для духов. Это ты помнишь?»

Родиону стало жутко.

– Не помню, – он не заметил, как проговорил это шепотом вслух, словно боясь спугнуть призрачного собеседника.

Родион метнулся в комнату. Все танцевали, резкий звук музыки вдруг усилился в сотни раз и загремел в голове, в нос ударил запах спирта. Все органы чувств, казалось, отчего-то вдруг начали выполнять свою работу в сотню раз усерднее, яркие цвета – розовый, желтый, красный – мешались, били в глаза. Цвета душили, словно сцепили его, слились с мурашками по коже, подходили к горлу и душили с новой силой.

Нечто странное. Родион с трудом мог дать определение происходящему. Лица и голоса невозможно было разобрать, они сливались в единое, пели что-то неразборчивое, что-то жуткое и казались призраками, которые пляшут вокруг огня. Они танцуют с огнем и не знают этого огня, им неясно, что в любое мгновение огонь может соскочить и опалить все вокруг – их тела и лица, их смех и песни – они сливались с тьмой и вновь становились явными. Сотни игл одновременно били по всему телу, как сотни людей одновременно прыгали по этому хлипкому скрипучему полу – и все вокруг стало столь медленным и одновременно быстрым, что начало казаться Родиону нереальным, потому что не может быть что-нибудь в мире столь медленным и одновременно быстрым.

Даже очевидная теперь мысль – в табаке что-то было – не могла толком увязаться в его голове или выстроиться в складное соображение. Вместо этого она судорожно билась по стенкам сознания, вызывая еще большую тревожность, которая все нарастала и нарастала, как дикий зверь после десятка лет заточения. Жар охватил шею и руки, волосы на затылке слипались, а в глазах отражались неистовые огоньки светодиодов, безумным ритмом кружащие вокруг.

– Братан, где туалет? – Родион поймал за локоть проходящего мимо парня.

– Там, там, – не переставая прыгать в такт музыке, он указал куда-то сквозь толпу и снисходительно похлопал Родиона по спине.

Родион метнулся в указанном направлении. Незнакомые лица встречались с его взглядом и исчезали вновь. Черные тени мелькали на пути, в центре толпы пробраться было еще труднее, чем на периферии. Родион стал оглядываться вокруг.

Вдруг маленькая рыжая девушка выскочила откуда-то из гущи рук, толкнула Родиона, заглянула ему в глаза и улыбнулась. Он ответил ей безумным взглядом и отскочил, едва ли не вскрикнув от ужаса – Ева.

Дрожь в пальцах было невозможно унять. Она взглянула на него с милой, искренней и свойственной ей кротостью, без труда читаемой в озере больших глаз. Однако за одно мгновение кротость сменилась презрением. Взгляд ее приобрел настолько неестественный окрас, что это, казалось, была уже не Ева, а кто-то совсем другой, какой-то безумный бес. Родион зажмурил глаза и открыл вновь. Девушка уже давно пронеслась мимо него, он оглянулся – неподалеку в большой компании действительно танцевала невысокая рыжая девушка, однако лицо ее было совсем непохоже на лицо Евы.

«Откуда я вообще знаю, как выглядела Ева? – в голове роились несвязные вопросы. – Откуда она здесь? Я помню – Ева – она всегда была с нами, Ева, Ева!» – он припомнил это имя, и уже не мог отпустить его, без умолку проговаривал про себя и боялся забыть вновь.

До заветной двери оставалось совсем немного – одно лицо в толпе вновь показалось знакомым. Щуплый белокурый юноша почудился Арием. Он едва не сбил Родиона с ног, пытался извиниться, что-то бормотал, однако Родион взглянул ему в лицо и быстро пролетел вперед, сознавая, что начинается бред. У самой двери туалета стояла черноволосая девушка с ярким темным макияжем и громко о чем-то смеялась. Родион трясущимися руками пытался закрыть уши – ему вдруг слышался смех Агнии, который звонко льется и блестит сквозь резкую музыку. Он побоялся даже взглянуть на незнакомку. Ноги подкашивались, а глаза смыкались – хотелось спать.

Родион быстро захлопнул за собой дверь, щелкнул щеколдой и подлетел к раковине. В лицо ударили капли ледяной воды – он судорожно умывался. Все вокруг металось, сжималось и плыло, и Родион не мог оторвать руки от холодной воды, все ждал, когда наконец закончится это безумие в голове. И казалось, что круговорот неостановим, что это будет продолжаться бесконечно, пока он сам не сойдет с ума.

Кто-то стучал в дверь. Родион поднял голову и взглянул в зеркало: плитка позади расплывалась и скручивалась. Промокшие волосы липли к лицу, глаза ошарашенно метались, а нижняя губа разрезалась прокусанной в бреду кровоточащей раной. Тошнота подкрадывалась к горлу. Родион глядел в собственные глаза, пытаясь отыскать в них след сознания, однако ничего, кроме страха, не находил в себе. Глядел в зеркало и видел, как мутнеет взгляд, как начинает расплываться не только плитка на стене, но и его собственное лицо – оно искривлялось, линии щек меняли свои изгибы, выпрямлялись, кольца волос стекали вниз по плечам, губы расплывались в тонкой улыбке, а по углам их появлялись круглые ямочки, которых у Родиона никогда в жизни не было. Это было не его лицо. Совсем не его лицо.

Человек в отражении глядел на него – это был ребенок с ужасно знакомым лицом, до крайности похожим на Родиона, но все же другим. Улыбка его кривилась, а густые темные брови вскакивали над глазами в осуждающем, мерзком выражении:

– Нас обмани. Нас обмани. Ты обманул! Ты оставил, а я – за место его. Я не боюсь. Не боюсь. А ты?

Голос, звучавший в ушах Родиона, казался ему совсем не похожим на голос ребенка.

– Федор?

Родион хотел коснуться отражения, но запястье его кольнуло, а из груди вырвался надорванный кашель. Смех перетекал в кашель. Кто смеется – он или отражение? Кто задыхается? Совсем непонятно.

Отражение тоже заливалось неистовым кашлем. Родион пытался смотреть в зеркало и видел, как знакомое и родное лицо задыхается вместе с ним, глядит на него его же глазами, бьется в удушающей агонии. И эта улыбка в зеркале не была такой родной и теплой, как в воспоминаниях – она была мерзкой, словно что-то склизкое и неестественное пробивалось сквозь нее. Федор улыбался, лохматые волосы накрывали его глаза, освобождаясь от тесноты движений Родиона, отражение коснулось своего рта – на пальцах остались черные капли. Он продолжал задыхаться в кашле. Через несколько секунд все руки Федора покрылись черной смолой, а улыбка сошла с лица. Губы шевелились – он хотел что-то сказать, однако все новые и новые порывы кашля обрывали его.

Обе руки Родиона онемели от запястий до самых кончиков пальцев, кожа под ногтями горела. Боль рождалась вслед за страхом и ужасом, Родион боялся смотреть на свои ладони. Он не кричал, но начал судорожно умывать лицо холодной водой, после чего просто ждал, не поднимая глаз, когда прекратится дрожь. По вискам стекали ледяные капли, он слышал, как

они громко разбиваются о кафель, и каждый удар воды о пол, каждый оглушающий звук становился мелким шагом к возвращению в реальность. Родион пытался вслушиваться в музыку, и капли воды возвращались на положенное им место в системе звуков – утихали, угасали на фоне оживленных разговоров за дверью и музыки из колонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.